

ТЕОРИЯ ВОЙНЫ В XXI ВЕКЕ¹

Рачья Арзуманян, Армен Багдасарян***

Введение

Крушение биполярной системы мира и последовавшие сдвиги в геополитическом ландшафте инициировали в интеллектуальных кругах Запада, занимающихся проблемами национальной безопасности, дебаты относительно природы и характера войны и стратегии в новую эпоху. Изменяющаяся среда безопасности 21 века требует непрерывного осмысления и разработки концепций, в рамках которых происходит понимание новых и старых угроз. И если ранее теоретический базис сферы НБ сохранял свою адекватность на протяжении многих лет и даже десятилетий, к концу 20 века, когда появление все новых и новых концепций и даже фреймов становится нормой, картина радикально меняется. Можно упомянуть, например, парадигму Сети, сетевые концепции, сетевые и гибридные войны, кибер-войны, сложные операции и пр.

Ряд теоретиков, занимающихся теорией войны и стратегии (стратегистов), считают, что современные войны качественно отличаются от прежних, а традиционное видение войны (*way of war*) устарело и не соответствует среде безопасности 21 века. Как следствие, военная организация государств и сфера НБ в целом нуждаются в радикальной трансформации. Приверженцы традиционного взгляда на войну акцентируют внимание на изменении характера и форм войны при неизменности ее природы. По их мнению, существует своего рода интеллектуальная мода, которая не должна касаться фундаментальных основ, принципов войны и стратегии, наработанных на протяжении тысячелетий. Что не вызывает сомнений и с чем согласны представители обоих подходов, это критическая важность площадок, на которых происходили бы дискуссии, позволяющие военной и политической элите глубже понимать вызовы и угрозы новой эпохи.

¹ Обзор XXI ежегодной конференции по стратегии Института стратегических исследований Армейского военного колледжа.

*Кандидат технических наук.

**Полковник Армии НКР.

С конца 2009г. можно наблюдать рост числа публикаций, посвященных вопросам гранд-стратегии, войны и военной стратегии. Данный факт можно расценивать как один из индикаторов возросшей активности интеллектуальных кругов Запада по осмыслению опыта, накопленного в рамках проводимых в последние десятилетия военных кампаний. Одним из важных событий в данном ряду является, безусловно, проходившая 6-8 апреля 2010г. XXI ежегодная конференция по стратегии (*XXI Annual Strategy Conference*) Института стратегических исследований¹ по теме «Определение войны в 21 веке». В работе конференции приняли участие свыше 150 ведущих военных теоретиков и стратегистов. Конференция стала одной из тех площадок, на которой озвучиваются проблемные вопросы и приоритетные направления исследований, касающихся природы и характера войны в 21 веке². В рамках данного обзора дается краткое изложение вопросов и проблем, обсуждавшихся на конференции, понимание которых требует от читателя знакомства с основными элементами и понятийным аппаратом западной военной культуры и стратегии³.

Основной доклад

Основной доклад конференции прочел Мартин Кревельд (*Martin van Creveld*). Д-р Кревельд подчеркнул, что на протяжении всей истории можно увидеть два различающихся подхода к пониманию войны. Первый, связанный с именем Клаузевица и доминирующий в американском и западном военном мышлении, определяет войну как организованное насилие, имеющее целью достижение социальных и политических целей. Данный подход дистанцируется от моральных, этических и правовых смыслов и аспектов войны, которые если и принимаются расчет, то только сквозь призму политических и военных интересов. Это позволяет говорить о своего рода «аморальности» и даже «научности» данного подхода. В частности, право, являясь частью рациональности, рассматривается Клаузевицем как один из факторов, препятствующих превращению войны в тотальную.

¹ Институт стратегических исследований Армейского военного колледжа (*Strategic Studies Institute (SSI) U.S. Army War College*) занимается исследованиями в области стратегии и национальной безопасности, результаты которых непосредственно используются командованием сухопутных войск и Министерства обороны США, служа мостом между данными структурами и более широким научным и экспертным сообществом, занимающимся проблемами стратегии. В штат института входят гражданские профессора, занимающиеся исследовательской работой, офицеры, находящиеся на действительной службе, и необходимые службы обеспечения. Здесь и далее примечания авторов.

² Возможности Сети, в данном случае *Youtube*, на который были выставлены 22 доклада конференции, позволяют соприкоснуться с интеллектуальной атмосферой, царившей на конференции. См. <http://www.youtube.com/user/USArmyWarCollege#grid/user/329BDBF4A6812CE7>.

³ Смотри, например, [8, 9].

Другой подход к войне, использующийся по крайней мере начиная со времен Римской империи, связывается с именем римского оратора и политического деятеля Цицерона, утверждающего, что война не есть использование организованного насилия, но *правовая ситуация и условия*, разрешающие и легитимизирующие такое насилие и определяющие ее допустимые пределы. Тем самым вводится понятие «состояние мира», когда применение насилия недопустимо, и «состояние войны», когда такое насилие является легитимным. Хотя военнослужащие, особенно на поле боя, в подавляющем большинстве своем не являются юристами и правоведами, тем не менее различение войны и мира как правовой ситуации является критически важным.

Если война это *организованное* насилие, вы не можете говорить об организации и организованности, если не определяете правовое поле. Война, будучи другой реальностью, нежели мир, использует свои моральные, этические и правовые нормы, которые необходимо определить. Должно быть военное право, которое определяет, кто, при каких обстоятельствах может убивать, каким способом и оружием и по отношению к кому может быть применено военное насилие. Пока не определены правовое поле и его границы, вы не можете говорить об организации и проведении войны, а насилие может стать неконтролируемым, бесконечным и направленным против всех. При отсутствии военного права, а значит, и процедуры формального объявления войны и подписания мирного договора, ничто не определяет начало и конец войны. Вы имеете военное насилие, но не войну. Не ограниченная этическими, моральными и правовыми нормами война стала общим местом в таких конфликтных зонах, как Босния, Восточный Тимор, Восточное Конго, Сьерра-Леоне.

Таким образом, вопросы военного права, этики и морали являются крайне важными и неотъемлемыми элементами войны и стратегии. Хотя понимание войны по Клаузевицу продолжает доминировать в военном истеблишменте и интеллектуальных кругах Запада, Кревельд настоятельно рекомендует и призывает обратить большее внимание на второй подход, так как без фреймов этики, морали и права организованное насилие может переродиться в варварство, приводя к деградации общества, его применяющего.

Далее д-р Кревель рассматривает различные сценарии начала и окончания войны. Первый сценарий, когда правительство одной из сторон в одностороннем порядке объявляет войну, информирует об этом другую и приступает к применению организованного насилия. В рамках данного сценария отсутствуют проблемы с окончанием войны. Война начинается и заканчивается церемонией, когда правительства или другие наделенные полномочиями лица с обеих сторон садятся за стол, и подписывается документ об ее окончании. Практиче-

ски вся европейская политическая и военная история говорят о том, что Запад предпочитает видеть войну именно в рамках данного сценария. Традиционная модель начала и окончания войны для западной культуры является столь приятной, что ей следовала даже нацистская Германия, поведение которой выходило за рамки европейских норм морали и права. Тем не менее Германия пошла по пути подписания капитуляции уполномоченными лицами в рамках соответствующей церемонии, осуществившей переход от войны к миру.

Однако возможны и другие сценарии войны, и два из них должны быть упомянуты отдельно. В истории были войны, когда проигравшее государство доводилось до такого состояния, когда было не в состоянии больше воевать и фактически прекращало свое существование. Это делало невозможным переговоры и правовое оформление перехода от войны к миру. В качестве примера Кревельд упоминает завоевание евреями Израиля, Троянскую войну, походы Александра Македонского и Тимура. В таких случаях единственным ограничителем насилия становится воля и желание победившей стороны, которая могла принять решение уничтожить население завоеванных территорий (случай евреев в Израиле) или оставить его (Александр в Персии).

Также возможен сценарий, когда противоборствующие стороны изначально испытывают недостаток в легитимности. Отсутствие формальных и признанных правительств, действующих в пределах правового поля, делает проблематичным перемещение правовой ситуации от состояния мира к войне и обратно. В этом случае конфликты имеют тенденцию скорее затухать, нежели прекращаться в рамках некоторой правовой процедуры. Как следствие, проведение границы между миром и войной оказывается практически невозможным, а враждебность становится неизменным и постоянным свойством ситуации и отношений в зоне конфликта. Такова была правовая ситуация в войнах индейцев с американскими колонистами на этапе образования США, хотя последние всегда предпринимали попытки «обнаружить» или «назначить» индейское правительство, которое было бы уполномочено подписывать мир. «Длинная война» (*long war*), конфликты в Судане и Конго, продолжающийся конфликт между Западом и «Аль-Каидой» также могут служить примерами войн, которые не могут окончиться церемонией. В ряде случаев такая война вырождается в эндемичное и бесконечное насилие, в очередной раз доказывая справедливость высказывания Гоббса, что любое правительство лучше, чем его отсутствие. За пределами Запада данная форма военных действий становится все более частой.

Однако история не стоит на месте, и эволюция мировой системы после Второй мировой войны сказалась и на вопросах войны и мира. Речь идет прежде всего о появлении и развитии международных организаций, имеющих наме-

рение регулировать вопросы войны и мира, – таких, как ООН. Кроме того, появились неправительственные группы и организации, способные осуществлять организованное насилие и помешать заключению мира. Также следует отметить тенденции перехода от так называемой «тринитарной войны» Клаузевица к нетринитарной¹. Клаузевиц в конце первой части труда «О войне» говорит об удивительном триединстве, на котором основывается война: правительство, вооруженные силы и народ. Правительство начинает и ведет войну, вооруженные силы сражаются и гибнут, народ платит и выживает. Проблема заключается в том, что с окончанием Второй мировой войны данное триединство стало применимо не всегда. Во многих случаях правительства отсутствуют, и войну ведет вооруженное политическое движение или полевые командиры, которые оказываются не в силах остановить вооруженную борьбу. Очень часто комбатанты ничем не отличаются от гражданского населения, и это, возможно, главная проблема в таких регионах, как Ирак и Афганистан, сектор Газа. Если бы ситуация была другой, то вооруженные силы коалиции могли бы решить стоящие перед ними задачи в течение короткого периода времени.

Неприменимость тринитарной модели ко многим военным ситуациям современного мира приводит к тому, что создаются предпосылки для перманентной войны и вооруженного насилия. Возвращение ситуации в правовое поле требует понимания, когда начался конфликт, кто в нем участвует и с кем необходимо взаимодействовать в вопросах войны и мира. Сегодня во многих случаях сделать это невозможно. Для того чтобы выйти из тупиков фатальных форм войны, д-р Кревельд предлагает помогать противоборствующим сторонам укреплять властные и руководящие структуры, оказывать помощь в становлении государственности. Такие действия создадут потенциал для возвращения ситуации в правовое поле, инициирования переговорного процесса и заключения мира. Этот вывод приводит к необходимости пересмотра некоторых элементов актуальной западной военной стратегии. Например, «целеполагание высокой ценности» (*high value targeting*) и целевое (таргетированное) убийство (*targeting killing*), используемое Соединенными Штатами в Афганистане, Израилем на Западном берегу и секторе Газа, Россией в Чечне и предполагающее уничтожение лидеров повстанцев или террористических групп, может в долгосрочной перспективе оказаться контрпродуктивным. Обезглавленное повстанческое или террористическое движение может деградировать или фрагментироваться и в таком состоянии не сможет участвовать в мирном урегулировании, брать на себя и выполнять обязательства. В конечном счете, считает д-р Кре-

¹ О концепции тринитарной войны Клаузевица см., например, [10].

вельд, являющаяся следствием такой стратегии аномия¹ и бесконечная война могут оказаться гораздо худшим сценарием, нежели мир, о котором договариваются и проводят в жизнь лидеры и руководство противоборствующих сторон. Именно поэтому тема данной конференции – определение войны – является такой важной и актуальной.

Первая секция. Исторический контекст

Первая секция конференции сосредоточилась на историческом контексте, в рамках которого происходит эволюция понятия войны, и включала выступления Джона Линна (*John Lynn*), Брайана Линна (*Brian Linn*), Фрэнка Хоффмана (*Frank Hoffman*) и Антулио Эчеваррия II (*Antulio Echevarria II*).

Д-р Джон Линн начал свой доклад с утверждения, что большая часть проблем, с которыми сталкиваются США в последних войнах, связана с неадекватным пониманием войны 21 века. Доминирующим видением войны в 17 и 18 веках, по крайней мере на Западе, была межгосударственная война, принимавшая форму военных кампаний и проводимая вооруженными силами. Однако даже тогда чаще использовались другие формы войны, такие как осады и «малые войны» (*small wars*) против партизан и повстанцев. Военная история недвусмысленно говорит, что все государства и во все эпохи при проведении конкретной войны комбинировали различные формы вооруженного противоборства, и то, с чем сталкиваются США в 21 веке, скорее норма, нежели исключение.

Хотя война принимала различные формы, европейцы чувствовали себя наиболее комфортно в межгосударственных войнах, проводимых легитимными правительствами, – явление, корни которого уходят в концепцию справедливой войны. Другие формы считались менее важными и бесславными и признавались приемлемыми, если были абсолютно необходимы. Для европейского сознания война, как и право, является уделом и прерогативой государства. Все другие виды боевых действий считаются «не войной» и являются неприемлемыми с моральной точки зрения. В качестве эталона войны в понимании американцев, являющихся наследниками европейской традиции, Джон Линн при-

¹ *Аномия* (др.-греч., ἀ - отрицательная приставка, νόμος – закон) – понятие, введенное в научный оборот Эмилем Дюркгеймом (*David Émile Durkheim*) и описывающее состояние общества, при котором наступает разложение и распад системы ценностей и норм, гарантирующих общественный порядок. Дальнейшее развитие концепции аномии связано с именем Роберта Мертона (*Robert Carhart Merton*). Понятие аномии призвано отразить процесс разрушения базовых элементов культуры, прежде всего в аспекте этических норм. При достаточно резкой смене общественных идеалов и морали определённые социальные группы перестают чувствовать свою причастность к данному обществу, происходит их отчуждение, когда новые социальные нормы и ценности – в том числе декларируемые образцы поведения – отвергаются, а вместо конвенциональных средств достижения индивидуальных или общественных целей выдвигаются собственные, в том числе и противоправные.

водит пример генерала Патона, ожидающего нападения Роммеля. Данный пример противопоставляется осуществляющему обыск в иракском доме американскому солдату, освещающему фонарем комнату, шкафы на глазах испуганной женщины и ее детей. Для американского сознания это бесславная война, которую американская общественность понимает с трудом. Молодые солдаты, поступая на службу, готовились не к этому, и американцы все еще тоскуют по конвенциональной маневренной войне с ее мощью, ясностью и славой.

Определяя войну 21-го века, необходимо быть готовыми столкнуться с диссонансом между восприятием войны как культурного феномена собственным обществом (культурными ожиданиями войны) и военной реальностью. Данное замечание Джона Линна высвечивает ключевой пункт, вокруг которого развернулись дискуссии на конференции. Война, помимо защиты национальных интересов посредством применения организованного насилия, имеет и другие функции – психологические, культурные и политические. Если это не осознается и не принимается в расчет, то различие героической и негероической, законной и незаконной, предпочтительной и неpreferable войн теряет смысл и не имеет значения.

Д-р Брайен Линн, рассматривая американское видение войны, высказал мнение, что многие из исследователей, занимающихся данной темой, сосредотачивают внимание скорее на целях текущей политики, нежели аргументированном и сбалансированном анализе прошлого или настоящего. Сегодня можно говорить о нескольких взглядах на американское видение войны. Один из них, например, у Виктора Дэвида Хэнсона (*Victor David Hanson*), рассматривает войну как аспект национальной культуры [2]. Другое видение, популярное в военных кругах, аккумулирует американский боевой опыт, наработанный при проведении больших войн (*major war*). В рамках данного подхода, основоположником которого можно считать Эмори Аптона (*Emory Upton*)¹, война и мир рассматриваются как два отдельных и различающихся состояния общества. Это вынуждает США и американскую общественность входить в войны неподготовленными и затем ценой крови учиться подчиняться мнению профессиональных военных. Третье видение сосредотачивается на формах и методах войны, военных технологиях и пр. и популярно среди техноцентричных военных мыслителей, особенно в ВВС, развивающих концепции сетецентричных войн и революции в военной сфере. В рамках данной школы считается, что качественные изменения в среде безопасности ограничивают применимость военной истории

¹Эмори Аптон (1839–1881), армейский генерал и военный стратегист. Его работа «Военная политика США» (*The Military Policy of the United States*), изданная посмертно в 1904г., представляет собой первый систематический анализ американской военной политики и истории; она оказала большое влияние на Армию США.

при рассмотрении войн 21 века. Такой вывод несет с собой риск свехупрощения, когда в качестве парадигмы войны рассматривается только крупномасштабная конвенциональная война. Согласно большинству исследователей, данный подход связывается с работой Рассела Уигли (*Russell Weigley*) «Американское видение войны» (*The American Way of War*) [7], в которой рассматривается эволюция военных операций США. Определение войны и военные концепции должны переступать пределы определенных форм конфликтов и методов командующего. Это позволило бы прогнозировать будущие конфликты, а не заниматься гаданием и предсказаниями. Однако такой подход является труднореализуемым, так как дискурсы о будущих войнах оформляются в том числе военной культурой и традициями, которые зачастую не осознаются и не признаются. Это может привести к переоценке степени новизны или полезности той или иной концепции или организации. Следовательно, чтобы определить войну 21 века, жизненно важно понять, как она определялась в прошлом. Военные ученые и стратеги должны признать, что каждая эпоха давала дискуссионные и зачастую политизируемые определения, разрабатываемые не только для освещения предмета исследований, но и для влияния на политику.

Фрэнк Хоффман отметил, что определение войны жизненно важно, однако не менее важно расширить поле исследований и, кроме рассмотрения военного домена, принимать во внимание и понимать политические, социокультурные, техноэкономические и геополитические элементы вооруженного конфликта. К чему приводит сужение поля, можно видеть по результатам военной кампании в Ираке. Необходимо осознать, какое влияние на военную реальность оказывает сужение понятия «военная культура», осуществляемое государственными и академическими институтами, занимающимися проблемами войны и стратегии. Как и большинство участников конференции, Хоффман согласен с Клаузевицем, что война имеет постоянную природу и изменяющийся характер и формы, которые меняются в зависимости от эпохи, культуры, политического контекста. При анализе конкретной войны крайне важно понимать и различать обе составляющие. Как уже отмечалось, подготовка к будущему требует знания военной истории. Незнание и непонимание прошлого не позволяет распознать, что именно изменяется в настоящем, и спрогнозировать будущие изменения. Помимо знания прошлого, необходимо уметь оценивать и контекст – что в нем изменяется, а что остается неизменным. Надо понимать, что каждая война имеет свой уникальный социальный и технологический контексты, и, как показывает военная история, попытки игнорировать этот факт очень опасны. Если вы не знаете истории и не в состоянии понять, какие изменения происходят в контекстах, вы не имеете возможности адаптироваться к ним.

Относительно высказываемого в последнее время беспокойства по поводу загрязнения профессионального военного лексикона новыми предикатами и прилагательными Хоффман сказал, что с пониманием относится к этому, хотя сам использует одно из таких прилагательных («гибридная война» – прим. авт.). Каждой эпохе свойственны свои формы войны, требующие разработки соответствующего словаря для их описания, и он надеется, что введение спекулятивных прилагательных преследует цель «схватить» изменяющееся настоящее и получить шанс предсказать будущее. Хоффман считает, что современную эпоху характеризует процесс гибритизации, в рамках которого смешиваются традиционные формы войны, организованная преступность, иррегулярные конфликты и терроризм. Чтобы охарактеризовать новую военную реальность, необходимо ввести понятие «гибридной войны» – термин, который позволяет отобразить наиболее важные изменения в характере войны [3].

В качестве заключения Хоффман сформулировал ряд тезисов, которые, по его мнению, необходимо принять во внимание в дискурсах, касающихся войны 21 века:

- ключевым элементом является определение войны;
- война не есть военные действия, проведение сражений, уничтожение целей и пр.;
- американское видение войны и военных действий, сводящее к пониманию и определению сражения, а не войны, должно остаться в прошлом. Необходимо принимать во внимание и учитывать социально-культурные, техно-экономические и георазмерности войны;
- война является развивающейся реальностью, и наше понимание и лексикон также должны развиваться, чтобы быть в состоянии отразить данную эволюцию;
- новые условия для своего описания и решений требуют новых типов оружия для максимально эффективного реагирования и новых творческих методов и концепций.

Д-р Эчеваррия отметил, что попытки ввести понятие войны постклузевитской (*post-Clausewitzean*) эпохи, переопределить или очистить (рафинировать) понятие войны являются общим местом в академических кругах. В качестве примера он сослался на теорию «новой войны» (*new war*), возникшей в 90-е гг. и имеющей ограниченное применение вне европейского контекста. В кругах военных профессионалов и исследователей можно провести различие между такими, как генерал-лейтенант морской пехоты США в отставке Пол ван Райпер (*Paul van Ripper*), которые полагают, что война имеет неизменную природу и

изменяющийся характер, и такими, как генерал-лейтенант ВВС Дэвид Дептула (*David Deptula*) (ушел в отставку в августе 2010г. – прим. авт.), полагающих, что природа войны может изменяться под воздействием новых технологий и форм войны. В настоящее время в военной среде идут дебаты относительно того, есть ли у войны вторая «грамматика», базирующаяся на повстанческих операциях. Высказывается мнение, что многие из проблем, с которыми сталкиваются США в Ираке и Афганистане, являются следствием чрезмерного увлечения Клаузевицем и подходом, согласно которому у войны имеется только одна грамматика. Однако определение войны Клаузевица является всесторонним и достаточно гибким, чтобы объяснить современные и будущие военные конфликты. Клаузевиц дает несколько определений войны, которые скорее постепенно развиваются в его работе, нежели даются сразу:

- война это акт насилия, призванный принудить противника следовать нашей воле;
- война это азартная игра ... оценка вероятностей;
- война это, несомненно, политический инструмент, продолжение политики другими средствами.

Таким образом, война не есть исключительно предмет законов логической необходимости, но также и вероятности, а также диктата и ограничений политической жизни или политики (*policy or politics*). Это подразумевает необходимость использовать средства, соответствующие желаемым целям. Проблема заключается в наблюдаемой сегодня эрозии не только внешних, но и внутренних характеристик войны, что требует внимательного отслеживания происходящих изменений и обоснования применимости тех или иных принципов войны Клаузевица. Другая проблема связана с тем, что природа войны, будучи неизменной, не является идеологическим императивом и не может быть изменена каким-либо идеологическим императивом, диктовать ту или иную форму реагирования.

Далее д-р Эчеваррия рассмотрел параметры абсолютной войны, которая, будучи идеализацией и моделью, не может быть реализована в чистом виде. Реальная война, например ядерная или тотальная, может приближаться к ней, но, тем не менее, управляется логикой политики и политической жизни. Абсолютная же война освобождает замедляющие силы физической реальности (политику, политическую жизнь, трение...) и если и имеет собственную логику, то она сводится к «закону предельности» (*law of extremes*) – в насилии, целях, физических и психологических усилиях.

Более адекватной остается тринитарная модель и фрейм войны, введенный Клаузевицем. Тринитарный фрейм войны:

- не о «государстве» (правительстве, вооруженных силах, народе), но «силах» (цели, случайности, враждебности);
- структура для понимания того, как война различается исторически – античность, феодальный период, татаро-монгольское нашествие, династические конфликты 18 века, национальные войны;
- описывает противостояние политика – политическая жизнь, то есть цели насилия против имеющихся условий, альянсов, институций, нормативной базы, «духа эпохи».

В заключение д-р Эчеваррия высказал мнение, что мир скорее находится в периоде не «после Клаузевица» (*post-Clausewitzean*), но «после новой войны» (*post new war*).

Вторая секция. Вхождение в войну

Какими могут быть индикаторы, позволяющие определить, что страна оказалась в состоянии войны? Еще недавно такой вопрос выглядел бы абсурдным, во всяком случае для европейской военной культуры. Война начиналась, когда политики объявляли о ней или внезапная атака давала отсчет военному времени. Переход на военные рельсы сопровождался мобилизацией, милитаризацией экономики, ростом налогового бремени на население и пр. Менялась атмосфера в обществе – уменьшались оппозиционные настроения, происходил рост патриотизма. В новую эпоху страна может оказаться в состоянии войны, не имея возможности четко идентифицировать, кто является противником. В среде безопасности 21 века первые боевые действия могут разворачиваться не в традиционном домене войны, но экономическом, информационном и др., принимая форму кибер-атак, когда невозможно четко распознать атакующего и его мотивы, или провоцирования экономического кризиса, пандемий и прочих действий, призванных ослабить атакуемое государство. Проблемы, связанные с переходом в состояние войны, обсуждались во второй секции конференции, на которой выступили Майкл Вламос (*Michael Vlahos*), генерал-лейтенант в отставке Питер Лехи (*Peter Leahy*), Питер Домбровский (*Peter Dombrowski*) и Джеймс Сарафано (*James Carafano*).

Перед тем как приступить к исследованию проблемы д-р Вламос провел краткий обзор основных идей своей последней книги «Борющаяся Идентичность» (*Fighting Identity*) [6]. Большинство современных войн, согласно Вламосу, являются «войнами народа» (*wars of the people*) или «священными» войнами (*sacred wars*). Такие войны оформляют и становятся частью национальной идентичности, а не преследуют ограниченные интересы политического режима

или правительства. В этом плане войны наполеоновского периода, являясь народными или священными, контрастируют с династическими войнами, которые доминировали в Европе после Тридцатилетней войны. Священные войны используют ритуалы, позволяющие народу понять, что произошел переход «в состояние войны». Частью ритуала становится наделение противника вероломством и представление его в качестве «другого» (*the other*). Ритуалы призваны облегчить изменение атмосферы в обществе и достижение единения всех общественных сил и государства для одержания победы. Война – это время «национального тайм-аута», когда все прочие проблемы оставляются в сторону или становятся менее важными. Важным элементом данного процесса становятся национальные жертвы на полях сражений, которые, помимо военной целесообразности, наделяются и ритуальной составляющей, становясь важным индикатором и инструментом поддержания общества «в состоянии войны».

Таким образом, «война» у д-ра Влахоса различается от «не войны» на множестве уровней и аспектов, многие из которых неразрывно связаны с идентичностью народа. Такой взгляд отличается от традиционного западного видения войны, так как здесь война является не только способом навязывания одним государством своей политической воли другому, но и жизненно важным элементом национальной жизни, эволюции народа и даже его образования. Священная война, играющая важную роль в развитии или эволюции национальной идентичности, включает великую цель, миссию, универсальную жертву того или иного вида от всех представителей нации, а также великого противника. Триумф двигает национальный нарратив вперед, в будущее, и нация, победившая в священной войне, существенно меняется. Участие в войне изменяет нацию так же глубоко, как она изменяет личность.

«Глобальная война с террором», объявленная после атаки 11 сентября, не является священной. Первоначально она, казалось, приобретала черты таковой, когда провозглашались трансцендентальные, изменяющие систему цели (*system-altering goals*), определялся и назывался вероломный противник, который должен быть побежден любой ценой. Однако президент Буш предпочел выбрать войну государства или колониальную войну, но не священную, используя при этом риторику последней. От населения США не требовалось действительных жертв, и оно не было активным участником войны. В итоге Буш признал данный диссонанс и снизил тон риторики, однако проблема так и не была решена и перешла по наследству администрации Обамы. В заключение д-р Влахос сказал, что в развернувшемся конфликте с исламским экстремизмом у США есть три пути:

1. переместить его ниже порога «состояние войны»;

2. изменить американский национальный нарратив, переводя войну в трансформативную миссию, которая ведется не методами войны;
3. продолжать проводить ту же политику, понимая и принимая имеющийся диссонанс между национальным нарративом и предпринимаемыми действиями и надеясь на лучшее. Данная опция, по мнению д-ра Влахоса, рецепт для разделенной и нерешительной нации.

Генерал-лейтенант Питер Лехи обратился к проблеме под другим углом и заявил, что Запад находится в состоянии войны, так как его вооруженные силы ведут вооруженную борьбу с противником, который использует боевое оружие в военных операциях. Причем война была развязана и стала вестись противной стороной. Это важный пункт, так как он предполагает, что война может быть развязана и осуществляема только по инициативе одной из сторон, до того как другая сторона примет вызов. Тем самым классическое военное противоборство Клаузевица, в котором обязательно участвуют обе стороны, на некоторое время оказывается некорректным и не соответствующим политической и военной реальностям. В новой среде безопасности изменяются и задачи, связанные с ограничением войн, так как становится все более и более сложным разделить военные и невоенные размерности противоборства. В 21 веке интегрированное использование элементов национальной мощи становится нормой. Современным конфликтам свойственна быстрая адаптация противоборствующих сторон. Кроме того, они имеют тенденцию длиться дольше, чем ранее, и приводят к большим жертвам среди гражданского населения. Другими словами, война в 21 веке стала перманентной и всепроницающей, и народы и военные организации государств все еще приспособляются к изменившейся среде безопасности.

Д-р Домбровский, согласился с Майклом Влахосом, что война представляет собой, в числе прочего, и социальный и интеллектуальный конструкт и, будучи таковым, может быть изменена благодаря практике. «Глобальная война с террором» действительно не соответствует стандартам священной войны, так как не обращается к американской общественности с просьбой участвовать в ней или пожертвовать для нее. Даже финансовые затраты на проведение войны перекладываются на будущие поколения. Питер Домбровский подчеркнул, что данный конфликт несет с собой необходимость стратегического выбора, и администрация Буша, а затем и Обамы не должны были изображать конфликт с «Аль-Каидой» как войну, которая может быть проведена на основе «отложенных платежей» и ограниченного бремени на общество.

Исторически вовлечение США и американского общества в войну всегда было связано с осуществлением стратегического выбора. США, в отличие от

многих других государств и народов, не вели войн на выживание. Практически все американские войны это «войны выбора», что придает большое значение цели, во имя которой они ведутся. Война в США должна быть «продана обществу», причем зачастую это не одномоментный акт, а процесс, сопровождающийся нарастанием общественной усталости, раздорами в элите и пр. Как следствие, цели войны со временем подвергаются очищению (рафинированию), перепределению или, по крайней мере, новому объяснению.

Д-р Домбровский также отметил, что то, как США предпочитают изображать и воспринимать войну, оказывается решающим при определении того, что понимается под победой или успехом. Это ясно можно увидеть на примере войны с «Аль-Каидой». Первоначально администрация Буша определила победу в терминах уничтожения терроризма через изменение политического и экономического контекстов, приводящих к росту экстремизма. Однако сегодня уже довольно сложно сказать, что понимается под победой. Действительно ли это отсутствие крупных террористических атак непосредственно против США или американских целей по всему миру? Является ли целью уничтожение «Аль-Каиды» как организации, или речь идет о дальнейшей делегитимизации терроризма? У каждого из этих подходов есть сторонники, но нет окончательных ответов, что вынуждает американское общество участвовать в войне, в которой оно не может идентифицировать победу или даже приемлемый успех.

Д-р Сарафано обратился к теме секции под другим углом, заявив, что важен не вопрос о том, находятся ли США в состоянии войны или нет, а то, почему эта проблема сегодня дебатруется. Как и генерал-лейтенант Питер Лехи, Джеймс Сарафано считает, что нападения организованных групп являются войной вне зависимости от ее формальной или ритуальной декларации. Дебаты о том, являются ли США в настоящее время в состоянии войны или нет, отражают более широкий и глубокий водораздел и политическую борьбу между либеральным и реалистичным подходами к государственному строительству и управлению (*statecraft*). Как минимум на протяжении века в США идет противоборство двух идеологических перспектив. Для неолибералов различие между «войной» и «не войной» имеет огромное значение, так как оно позволяет ставить и решать задачу развития международных институтов и процессов, призванных уменьшать угрозу войны, занимающихся процессами разрешения конфликтов и пр. Война при этом трактуется как слабость в функционировании данных институтов, которые нуждаются в усилении, усовершенствовании и пр. Для реалистического подхода проблема заключается в сохранении и увеличении национальной мощи, когда различие «войны» и «не войны» становится второстепенным. Стратегия 21 века должна отражать скорее конвергенцию нацио-

нальной мощи с правом и прочими нормами, нежели включить обновленное или пересмотренное определение войны.

Развернувшиеся в данной секции дебаты показали, что в интеллектуальных кругах Запада идет дискуссия относительно того, являются ли *вооруженный конфликт* и *война* одной и той же реальностью. Генерал-лейтенант Лихи и д-р Домбровский утверждают, что нет, и различие в данном случае является преимущественно семантическим. Мартин Кревельд в основном докладе дифференцировал войну от других форм вооруженного конфликта, а д-р Влахос проводил различие между священной и другими формами войны. Однако в состоянии ли государство перерасти священную войну как необходимость, найдя альтернативный жизнеспособный нарратив, позволяющий укреплять или изменять национальную идентичность? Может ли священная война рассматриваться в качестве инструмента переходного периода, то есть как элемент процесса *становления* государства, который перестает быть необходимостью после его окончания? Другими словами, вопрос, является ли священная война в понимании Влахоса зрелой исторической реальностью, остался открытым.

Третья секция. Окончание войны

Окончание войны может стать результатом переговоров, призванных оформить капитуляцию проигравшей стороны или отразить достигнутый компромисс. При этом церемония подписания мира становится для воюющих государств и международного сообщества сигналом завершения войны. Война может завершиться полным уничтожением одной из воюющих сторон, хотя, как отметил д-р Кревельд, сегодня такие войны редкость. И третий вариант – прекращение войны вследствие истощения, когда отсутствует какое-либо формальное признание сторонами ее окончания. Сегодня это наиболее распространенный сценарий окончания иррегулярной войны, в которой могут участвовать негосударственные акторы, непризнанные государства и пр.

Рассмотрению проблемы окончания войны была посвящена третья секция конференции, на которой прозвучали доклады Джереми Блэка (*Jeremy Black*), Эндрю Басевича (*Andrew Bacevich*) и генерал-майора в отставке Уильяма Нэша (*William Nash*).

Д-р Блейк в своем докладе подчеркнул, что большинство современных войн происходит вне Западного мира и подчиняется другим нормам, и это надо понимать, обсуждая проблему окончания войны. Определение и видение войны имеет культурное измерение, а кросс-культурные конфликты, с которыми, вероятнее всего, будут сталкиваться США, представляют наиболее серьезный вызов. Необходимо прикладывать усилия для понимания военной культуры других на-

родов, и для начала осознать, насколько эксцентричным является использование военной мощи со стороны США. В отличие от других государств, США редко использовали вооруженные силы против собственных граждан, хотя это является скорее исключением, нежели нормой. Для большинства государств военный успех это не победа над иноземным противником, но достижение приемлемого уровня внутренней стабильности, когда государство благополучно укрывается за собственной мощью и сохраняет контроль над прибегающей к насильственным методам противоборства сильной оппозицией. Этот специфический вид войны, согласно д-ру Блейку, станет все более и более распространенным благодаря усилению борьбы за ресурсы, росту населения и урбанизации.

Свой вклад в увеличение вероятности такой войны вносит нестабильность, являющаяся неотъемлемым атрибутом процесса демократизации. Если обществу удастся обеспечить экономический рост, то процессу демократизации удастся справиться с оказываемым на него давлением. В противном случае он может стать критически нестабильным, поскольку некоторые из слоев общества приходят к выводу, что их интересы ущемлены и ответственность за это несут другие слои и лидеры. Результатом может стать охватывающее все общество организованное насилие, которое не будет соответствовать западному видению войны, ее моральным и правовым нормам. Д-р Блейк также предположил, что понятие «экономический класс», вышедшее из моды в академических кругах, возвращается и становится тем аналитическим инструментом, который позволяет объяснить вооруженное насилие в обществе. Другими словами, понятие «классовая борьба» восстанавливает свое лидирующее положение в политэкономии, которое оно занимало до краха Советской империи.

В конечном счете, заметил Блейк, окончание войны зависит от того, как вы ее определяете. Например, если рассматривать американскую гражданскую войну как революционный передел расового порядка, а не борьбу за сохранение Конфедерации, то она окончилась только в 60-ые годы двадцатого века. Зачастую окончание войны наступает не в результате поражения вооруженных сил одной из сторон, но признания народа и политического руководства своего поражения. Поскольку в ближайшие десятилетия внутренние войны будут преобладать над межгосударственными и большинство из них будут гражданскими, порой будет легче добиться военной победы и стабилизации, нежели убедить одну из сторон признать поражение, получив шанс достигнуть устойчивого мира. Как следствие, чаще можно будет наблюдать перемежающиеся фазы конфликта и перемирия, но не мир в том смысле, как об этом принято говорить на Западе.

Д-р Эндрю Басевич согласился с уже высказанным на конференции мнением, что у США в последние годы проблемы не только с проведением и окон-

чанием войны, но и достижением стабильности и устойчивого мира. Попытки объяснить данный факт приводят к выводу, что военный истеблишмент и администрация США предпочитают включать проводимые войны в интерпретационный фрейм, который хорошо знают, свехупрощая предельно сложную ситуацию, и затем удивляются, когда реальность не соответствует их ожиданиям. Частично это связано с неправильным пониманием США характера протекающих войн и попытками вписать их в конвенциональный фрейм, вместо того чтобы разработать и применить другой, соответствующий природе протекающих конфликтов.

Чтобы понять, когда война закончилась, американские полисмейкеры и стратеги должны понимать ее истоки и природу – о чем она. Война в Персидском заливе 1990-91гг. является хорошей иллюстрацией сказанного. Операция «Буря в пустыне» не привела к искоренению причин войны и создала контекст, который привел к еще большей войне и второй иракской кампании. Как можно объяснить такой парадоксальный результат? Большая часть аналитиков и интерпретаторов сошлись во мнении, что надо говорить об ошибках военных в проведении военной кампании. Например, критиковались действия наземных войск, которые не смогли разгромить республиканскую гвардию. Также критиковались действия Нормана Шварцкопфа, командующего коалиционными силами, который, не имея общей картины происходящего, переоценил возможности иракской армии, возможные собственные потери и пришел к выводу, что вооруженные силы выполнили свою задачу и войска не пойдут на Багдад. Благодаря медлительности и нерешительности вооруженных сил коалиции Саддому Хусейну удалось сохранить контроль над страной и подавить внутренние очаги сопротивления.

Аналогичной критике подвергался и Джон Пауэлл, который не испытывал энтузиазма от проводимой войны и считал, что надо сделать все, чтобы минимизировать возможные потери, то есть оставался на позициях доктрины, которая впоследствии получила название доктрины Пауэлла. Он не считал нужным задумываться о долгосрочных последствиях проводимой военной кампании и видел свою задачу в том, чтобы объявить о победе и вернуть войска домой. Так как именно Пауэлл оформлял дискурс между военными и гражданским кругами, было принято решение о быстром сворачивании наступательной операции. Как следствие, победа в первой военной кампании оказалась во многом иллюзорной. Самая серьезная ошибка военных, по мнению Басевича, заключается в том, что они поставили интересы Вооруженных Сил как института выше национальных интересов. Вместо того чтобы работать в рамках более широкого военно-гражданского фрейма, генералы предпочли сосредоточиться на

проведении войны, а гражданские лица не желали понимать, что такое война и каковы ее законы.

Джордж Буш и его окружение предпочли интерпретировать иракское вторжение в Кувейт сквозь призму межгосударственных взаимоотношений поствестфальского мира, что не имело никакого отношения к реалиям региона. Считалось, что Саддам Хусейн нарушил нормы международного права, и США и их союзники должны были заставить Хусейна вернуться в его рамки. Задача выдворения Ирака из Кувейта решалась в рамках провозглашенного *Нового мирового порядка* – парадигмы, которая соответствовала интересам США. Другими словами, вместо того чтобы решать проблему установления нового и долгосрочного баланса сил в регионе, достижения долгосрочной стабильности, ставилась и решалась другая задача – создание и удержание нового фрейма, в рамках которого США не могли себе позволить насильственное смещение иракского режима.

Не было желания понимать, что Саддам Хусейн всего лишь симптом гораздо более сложной и глубокой проблемы. Разворачивающиеся в регионе процессы были следствием, в частности, империалистической политики европейских государств, реализуемой начиная с Первой мировой войны и приведшей, в конечном счете, к созданию арабских государств, Израиля, возникновению палестинской проблемы. Результатом этой политики стали рост национализма, милитаризация региона и появление политического ислама, с которым сегодня сталкиваются США. Американцы сами выбрали роль последователей европейской имперской политики, приведшей к возникновению глубинного отклика, наиболее ярким проявлением которого являются события 11 сентября и нынешние войны. Таким образом, чтобы заявить об окончании войны, необходимо понимать ее причины и мотивы. В 1991г. Буш и его администрация были невежественны и не понимали, с чем сталкиваются. И сегодня нет никакой гарантии, что Вашингтон понимает, что речь идет о длинной войне (*long war*), у которой свои законы.

Генерал-майор Уильям Нэш в своем докладе подошел к проблеме окончания войны с других позиций, задав критический вопрос: действительно ли окончание войны должно быть неотъемлемой частью американского видения войны? В современных конфликтах США имели тенденцию сосредотачиваться на достижении победы на поле боя, предполагая, что окончательное решение проблем, приведших к возникновению конфликта, так или иначе найдется. Операции «Буря в пустыне», «Свобода Ираку» и «Несокрушимая свобода» демонстрируют эту тенденцию. Результатом стал общественный хаос и рост повстанческой активности. Чтобы избежать этого, по мнению Нэша, ведущим фактором американской стратегии должно стать не завершение военной кампании и достижение военной победы, но окончательное разрешение основного конфликта.

Четвертая секция. Участники войны

Исторически с появлением цивилизаций и сложных обществ формировалось военное сословие или каста воинов, когда население страны, выполняя роль ресурсной базы, прямо не вовлекалось в войну. Ситуация начала меняться в 19 веке. Появление массовых армий эпохи наполеоновских войн вовлекало в войну практически все общество. В 20 веке Мао Дзэ-дун и его последователи разрабатывают форму «народной войны». Ставя перед собой задачу борьбы с существующим государством, революционное движение изначально оказывалось в позиции сравнительной военной слабости, для компенсации которой народ из пассивного участника был трансформирован в актора войны. В результате сформировалась новая военная реальность, названная Рупертом Смитом (*Rupert Smith*), войной «среди народа» (*amongst the people*) [4]. По мнению многих стратегистов, война «среди народа» стала определяющей и основной для среды безопасности 21 века. Однако можно ли считать процесс расширения участников войны завершенным, и являются ли таковыми частные фирмы безопасности, транснациональных корпорации, СМИ, неправительственные организации, организованная преступность, хакеры и др.? Они принимают непосредственное участие в эскалации и развязывании войны, следовательно, на основе каких критерий и индикаторов им отказывается в праве быть отнесенными к актерам?

Чтобы понять, кто участвует в войне, необходимо понять, почему они в ней участвуют, то есть каковы мотивы войны. Хотя война по-прежнему есть преследование политических целей или целей политики, мотивы отдельных акторов могут быть разнообразными и сложными, включая идеализм, чувство долга, гнев, стремление к личной власти, обогащению и пр. Другими словами, комбинация мотивов акторов среды безопасности 21 века и способов, при помощи которых они мобилизуются и поддерживаются, возможно, изменяются.

Данный круг проблем рассматривался в четвертой секции конференции, на которой прозвучали доклады Томаса Хэммса (*Thomas X. Hammes*), Майкла Клэра (*Michael Klare*), Пола Кана (*Paul R. Kan*) и Роберта Кэссиди (*Robert Cassidy*).

Д-р Хэммс утверждал, что американцам, как и большей части цивилизованного мира, свойственно помещать войну «в коробку», рассматривая ее скорее как ненормальное состояние, нежели норму, даже если она неизбежна. Развитие войны характеризуется серией инновационных кривых. Некоторые из инноваций оказываются успешными и вызывают конкуренцию, которая заставляет совершенствовать методы войны, приводит к появлению новых технологий и пр. В конечном счете, поднятая успешной инновацией волна идет на спад вследствие появления и совершенствования методов противодействия, тем самым создавая необходимые предпосылки для инноваций и новой волны. Теку-

щая волна инноваций, оказывающая влияние на среду безопасности 21 века, охватывает как методы войны, так и ее акторов. Одним из самых важных из наблюдаемых изменений является появление сверхмощных личностей (*superpowered individuals*). Для сферы экономики это стало очевидно достаточно давно. Использование во время террористической атаки 2001г. в Вашингтоне штаммов сибирской язвы продемонстрировало, насколько влиятельной может быть отдельная личность или малая группа в сфере безопасности, тем самым бросая вызов традиционным понятиям военной стратегии, сдерживания и обороны.

Д-р Клэр сосредоточил свое внимание на экономических бенефициариях войны – полевых командирах, контрабандистах, торговцах оружием, представителях сил безопасности, политических лидерах и др., получающих личную финансовую выгоду от проведения войны, поддержания режима нестабильности или хаоса. Целью для данной группы является не победа, но сохранение и поддержание конфликта и нестабильности, и такое поведение становится влиятельным трендом в современных войнах. Существование экономических бенефициариев создает серьезные моральные и этические проблемы для США, когда приходится закрывать глаза на причастность некоторых из афганских союзников или партнеров к наркотрафикингу. Д-р Клэр полагает, что данная проблема будет становиться все более распространенной, так как потенциальные или уже конфликтные зоны современного мира характеризуются глубокой бедностью и нехваткой законных экономических возможностей для жизни. Вовлечение в насилие зачастую является единственным социальным лифтом для молодых людей таких обществ. В этих условиях организации, имевшие политическую природу, зачастую мутируют в преступные. В качестве примера можно привести как левое, так и правое народное ополчение и милицию в Колумбии, государственные силы безопасности и милицию в дельте Нигера. Действительное разрешение конфликта, обладающего собственной «военной экономикой», требует создания жизнеспособной и устойчивой экономики. Однако убедить американское общество и Конгресс в эффективности и важности экономического развития несравненно труднее, нежели добиться согласия на военное решение, даже если оно без построения жизнеспособной экономики приведет к повторению конфликта.

Д-р Пол Хан задался вопросом, насколько большой может быть «апертура войны». В особенности в таких конфликтных зонах, как Афганистан и Мексика, когда война и преступность до такой степени переплетены, что невозможно различить конфликт низкой интенсивности от активной преступности.

Полковник Роберт Кэссиди рассматривал вопрос участников войны в Афганистане, сосредоточившись на роли пуштунов, анализ которой позволил предложить ряд «истин», касающихся данного конфликта.

Пятая секция. Военное право

Международное сообщество и нации всегда пытались разработать и использовать военное право, включающее как формальные кодифицированные в законах, так и неофициальные нормы, призванные ограничить и контролировать разрушительные аспекты войны. Такое право оказывалось более или менее эффективным, когда противоборствующие стороны принимали его. Оно становилось менее эффективным или вовсе не работало в кросс-культурных конфликтах или когда одна из сторон намеренно выходила за правовое поле, считая, что дивиденды от такого шага перевесят потери. Даже лучшая в мире система права неэффективна, если она последовательно игнорируется. В рамках международного права были предприняты значительные усилия для формализации правовой базы войны. Однако разработанное в рамках западной традиции и культуры право оказывается неэффективным в среде безопасности 21 века, в которой присутствуют новые домены, формы и акторы войны.

Пятая секция конференции рассматривала вызовы военному праву и меры, которые могли бы повысить его эффективность, и включала выступления Альберта Пирса (*Albert Pierce*), Мартина Кука (*Martin L. Cook*), Ричарда Преджента (*Richard Pregent*) и Дин-Питера Бейкера (*Deane-Peter Baker*).

Участники дискуссии разошлись во мнении о том, остаются ли адекватными традиционные нормы и законы войны в среде безопасности 21 века, когда требуется только «регулировка» и «настройка», или необходим коренной пересмотр, который позволил бы вычлениить и оформить новую реальность, в которой присутствуют распадающиеся государства, негосударственные акторы, неконвенциональные методы ведения войны и пр. Другими словами, должна ли идти речь о ревизии или революции права?

Д-р Пиерс сосредоточился скорее на принципах, а не самом праве, подчеркивая необходимость рассматривать право и мораль в совокупности и в рамках одного фрейма, а не отдельно. Касательно основной обсуждавшейся проблемы – изменилась ли современная война настолько, что требуется разработка новых принципов – д-р Пирс высказал мнение, что модификация морального и этического фрейма традиционной справедливой войны является достаточной. Он не согласился с мнением, что войны 21 века являются качественно иными, нуждающимися в новых моральных и этических принципах. Традиция справедливой войны оказалась в состоянии адаптироваться к изменяющимся общественным реалиям, геополитическому контексту, военным технологиям на протяжении многих веков. Она смогла адаптироваться к средним векам, появлению национальных государств, международных организаций, и она сможет адаптироваться и к среде безопасности 21 века. Применение традиционных принци-

пов морали и права в новых условиях, конечно же, представляет собой вызов, однако это не означает, что они должны быть отложены в сторону.

Традиционные моральные и этические принципы войны включают проблемы вступления в войну и ее проведения. Хотя президент Обама отошел от экспансивной превентивной войны Джорджа Буша, нужна большая моральная и этическая ясность в вопросах войны при осуществлении политического выбора. Д-р Пиерс поддержал возвращение к старой концепции упреждающего применения силы (*preemptive use of force*), требующей активной манифестации намерений нанести удар. Стратегия явной демонстрации военной угрозы отсутствует в превентивной войне, выдвигающей гораздо менее жесткие требования к фазе эскалации кризиса, угрожаемому и предвоенному периоду.

При принятии решения о начале войны важно рассматривать в рамках единого фрейма как вероятность успеха, так и пропорциональность и целесообразность планируемого военного насилия. Традиционные нормы ведения войны, такие как различие (разграничение) и пропорциональность остаются в силе. Возможно, их стало труднее применять в условиях войны «среди народа», но это не означает, что сами принципы должны быть изменены. США и другие страны Запада должны быть уверены, что понимание данных принципов присутствует на всех уровнях войны, вплоть до операционного и тактического. Может быть, применение силы окажется морально оправданным (например, удар по Северной Корее в ответ на потопление южнокорейского эсминца в мае 2010г.), однако принятие во внимание вероятных результатов такого удара изменяет уравнение. Иначе говоря, стратегия должна принимать во внимание вероятную стоимость и риски морального поведения и действия. Это особенно важно, когда сила используется не столько для уменьшения существующей угрозы, сколько для изменения политических, экономических и даже социальных условий, приводящих к возникновению угроз.

Тем не менее остается открытым фундаментальный вопрос – является ли аморальным и неэтичным применение силы в условиях явного несоответствия между стратегическими целями и применяемыми средствами? Должна ли моральная оправданность предпринимаемых действий быть единственным аргументом, который принимается в расчет, или же в качестве цели и результата должно рассматриваться совокупное улучшение моральных и этических условий? Должна ли стратегия использовать некоторую версию тезиса «не навреди» Гиппократата? Это философский вопрос, ответ на который приводит к серьезным практическим выводам. Действия Саддама Хусейна, конечно, заслуживали наказания, однако существовала вероятность того, что данный шаг приведет к еще большому насилию и страданию иракского народа. Должно ли было данное

соображение изменить этическое уравнение? Должна ли была администрация Буша принимать во внимание вероятные долгосрочные последствия удаления Хусейна и влияние, которое окажут предпринимаемые действия на моральный климат и состояние иракского общества?

Существует несколько тем, нуждающихся в дополнительных дебатах. Одна из них – реакция США и сил коалиции на системную коррупцию в государствах, в которых проводятся операции по стабилизации. Афганистан и Ирак являются яркой манифестацией и парадигмальным случаем данной проблемы. Какими могут быть релевантные моральные и этические принципы, позволяющие США давать оценку коррупции и формировать стратегию поведения? Достаточно легко выбрать один из полюсов потенциального решения: полностью отказаться от коррупции, считая ее неприемлемой, или принять ее как часть местной культуры. Однако оба подхода являются неудовлетворительными. Первый угрожает успеху миссии, второй подтачивает моральную составляющую усилий. Решение заключается в некоем балансе и компромиссе, однако вопрос, где он пролегает, остается открытым. Аналогичные компромиссы и баланс должны быть выработаны и относительно множества других моральных и этических проблем, когда сталкиваешься с нормами других культур.

Другая важная и открытая проблема – параметры успеха, на основе которых США и их партнеры по коалиции оценивают успешность проводимого курса по политической, экономической и культурной трансформации таких стран, как Афганистан. Здесь требуется ясность относительно пределов приемлемого. Как и когда должен произойти сдвиг и трансформация? Должны ли американские ожидания стать другими после почти десятилетнего пребывания сил США в Афганистане?

Одна из самых критических проблем, нуждающаяся в дальнейшем моральном и этическом анализе, это использование целевого убийства в государствах, не находящихся в состоянии войны с США. Это тем более важно, так как такого рода действия становятся значимой частью контрповстанческой и контртеррористической стратегии и тактики США. В настоящее время нет консенсуса по моральному и правовому фрейму, в рамках которого проводятся подобные действия¹⁶. Причем разрабатываемый фрейм должен использоваться как по отношению к США, так и к другим странам, использующим целевое убийство (например, Израиль и Россия). У США не может быть какого-либо исключительного права. Фрейм мог стать результатом достижения согласия по ряду вопросов:

- какой тип действий легитимизирует принятие решения на официальное убийство?
- должно ли это быть непосредственное участие в насилии или достаточным обоснованием является сама возможность насилия?

- являются ли, например, финансисты террористов приемлемой целью?
- какой должна быть доказательная база, позволяющая принять решение о целевом убийстве?
- каков должен быть уровень доверия к данным разведки относительно деятельности человека, его местоположения, близости к комбатантам?
- являются ли поддерживающие террористов личности, такие как члены семей, законными целями, или у них есть иммунитет нонкомбатанта? И, если члены семьи террористов считаются законными целями, должно ли насилие против семей американского военного контингента считаться военными действиями, а не терроризмом?¹
- какова роль правительств государств, на территории которых обнаружена цель?
- нуждаются ли США в разрешении правительств, достаточно ли молчаливого принятия или позиция правительства не имеет никакого значения?
- какой уровень бездействия со стороны правительства по отношению к присутствию террористов или повстанцев на территории государства оправдывает действия США?

Д-р Кук обратился в своем докладе к проблеме взаимоотношений между моралью и правом на войне. Существующие принципы морали восходят к римской и раннехристианской традициям. Современное военное право появилось после Реформации и европейских религиозных войн 16-17 веков. Чтобы выйти за пределы доктринальные различий между протестантами и католиками, Гуго Гроций (*Hugo Grotius*), отец современного международного права, искал нерелигиозный источник принципов и нашел их в установившейся практике (международное обычное право) и естественном праве [1]. Однако правовое поле всегда отстает от жизни и имеется разрыв между изменениями в методах ведения войны и военным правом. Когда происходят большие изменения, закон должен их подхватить. Именно такова ситуация сегодня.

Появившаяся в конце Тридцатилетней войны Вестфальская система пытается достичь стабильности через уважение государственного суверенитета и регулирует применение силы между государствами. Со временем это привело к сужению базиса легитимного применения силы, достигшего кульминации в пакте Бриана-Келлогга (*Kellogg-Briand Pact*)², ограничивающего войну самооборо-

¹ Фактически, проблема целевого убийства отражает всепроницающую сложность различения комбатантов и нонкомбатантов в современной среде безопасности.

² Договор об отказе от войны как орудия национальной политики. Подписан 27 августа 1928г. в Париже 15 государствами, в том числе США (позднее к нему присоединились еще 64 страны). Инициаторами пакта стали госсекретарь США Фрэнк Келлогг (*Frank Billings Kellogg*) и министр внешних сношений Франции Аристид Бриан (*Aristide Briand*). Договор оказался малоэффективным и полностью обесмыслился с началом Второй мировой войны.

ной. В среде безопасности 21 века, в которой превалируют внутренние войны, государственноцентричный правовой фрейм становится все более неадекватным. С окончанием Холодной войны мораль и правовое обеспечение гуманитарной интервенции стали в высшей степени актуальными. Террористические атаки 11 сентября, продемонстрировав возможности негосударственных акторов, стали похоронным звоном по системе права Вестфалья/ Бриана-Келлогга.

Стратегия национальной безопасности Буша попыталась справиться с изменениями в глобальной системе безопасности, выйдя за пределы международного права. Традиционные концепции превентивной или упреждающей обороны были расширены предположением, что негосударственные акторы зачастую будут невидимы, поскольку они подготовились к агрессии, а представляемая ими угроза настолько велика, что стандарты превентивной обороны должны были смягчены. Проблема состоит в том, что данный подход может стать очень опасным, если будет обобщен до уровня права или принципа, которым пользуются все государства. Критики доктрины Буша при этом чаще всего апеллируют к категорическому императиву И.Канта¹. Администрация Обамы, понимая эти угрозы, вернулась к более традиционному понятию превентивной самообороны.

Д-р Кук не согласился с Альбертом Пиерсом относительно возможности вернуться к традиционному различию между легитимным преимущественным правом и нелегитимной превентивной войной, так как наиболее опасные негосударственные акторы оперируют с территории и изнутри государств, причем взаимоотношения между ними сложны. Некоторые государства спонсируют и поддерживают негосударственных акторов, применяющих организованное насилие, другие терпят, третьи ничего не могут предпринять против, а некоторые просто не знают об их присутствии. Должен быть различный легитимный отклик для каждого из этих случаев, что требует разработки более сложного правового фрейма, нежели бинарный выбор между упреждающим ударом и превентивной войной. Террористическая угроза, таким образом, требует разработки нового правового базиса и обычного международного права, которые не будут столь сфокусированы на государственном суверенитете, как существующий правовой фрейм. В новом фрейме разграничение и пропорциональность должны остаться руководящими принципами, но их специфическое значение нуждается в пересмотре и адаптации к новой среде безопасности, в которой доминируют контрповстанческие и контртеррористические операции.

Наконец, д-р Кук обратился к вызовам кросс-культурных конфликтов, когда местные нормы вступают в противоречие с западными, вызывая эффекты

¹ «Поступай так, чтобы правило твоей воли могло иметь силу принципа всеобщего законодательства; такое правило должно распространяться на всех, в том числе и на тебя. К человеку нельзя относиться, как к средству для решения своих интересов».

«моральной коррозии» у войск контингента. Он предположил, что, возможно, пришло время развернуть широкие дебаты касательно универсальности западных ценностей, лежащих в основе международного права на протяжении последних веков. Подходы 20 века, кодифицированные в Уставе ООН и всеобщей Декларации прав человека, выстроены на несоответствующем реалиям 21 века допущении, что моральная и этическая конвергенция являются той дорожной картой, которая приведет к глобальному принятию западных либеральных ценностей. Хотя конфликт между «Аль-Каидой» и Западом стал яркой манифестацией сопротивления данному подходу, он остается фундаментом правового и морального фрейма войны.

Полковник Ричард Преджент оценивал правовое поле, в рамках которого США проводят военные операции. Президент Обама вслед за Бушем полагает, что Соединенные Штаты ведут войны самообороны и легитимность военных действий твердо опирается как на международное, так и внутреннее законодательство США. Это очень важно с точки зрения права. Однако другие государства и некоторые неправительственные организации полагают, что контртерроризм – вопрос уголовного права и прав человека, а не военного права. Этот диссонанс может привести к негативным эффектам в боевой обстановке, когда американские войска участвуют в коалиционные кампаниях, и командующие должны тщательно маневрировать среди вызовов, которые несете с собой данная ситуация.

Дин-Питер Бейкер стал инициатором «революционного» подхода, приводя доводы в пользу нового фрейма военного права, который должен быть достаточно подвижным, чтобы справиться с вызовами среды безопасности 21 века. Поскольку фрейм начинает обретать формы, его архитекторы должны рассмотреть ограничения, которые накладывает правовое поле на военную эффективность. Современная тенденция сводится к утверждениям, что стратегический успех должен достигаться в пределах ограничений правового поля, а информационную войну необходимо выигрывать через распространение правды. Последнее подразумевает, что как слова, так и действия военных являются также и моральной проблемой. Высказав надежду, что это действительно так, д-р Бейкер, отметил, что данный круг вопросов нуждается в тщательном изучении и широких дебатах, чего пока нет. Это в свою очередь отражает особенность американского подхода к стратегии, когда главенствующей является точка зрения, что на свободном рынке идей в конечном счете победит правда. Американская система использует свободный рынок в качестве универсальной парадигмы социального взаимодействия как для экономической, так и для политической и информационной сфер. Однако на информационной войне нет свободного

рынка идей. Для экстремистов проблемы правды не существует, и все нарративы базируются на стратегическом и тактическом эффектах, а не этике и морали. В культурах, в рамках которых зарождается и поднимает голову экстремизм, правда зачастую определяется притягательностью для аудитории человека, делающего заявление или излагающего нарратив. Люди больше верят тем, с кем имеют этническое, сектантское, расовое или племенное родство, а не объективным критериям.

Кроме того, военная эффективность может опираться как на отрицательные, так и на положительные стимулы. Да, можно формировать свое поведение на основе того, что противник считает объективной правдой или моральным, этическим поведением, однако необходимо принимать во внимание тот факт, что люди зачастую действуют из страха насилия или наказания – точка зрения, которой придерживаются такие исследователи, как Ральф Петерс (*Ralph Peters*), Мартин ван Кревелд, Майкл Шейер (*Michael Scheuer*) и Эдвард Люттвак (*Edward Luttwak*). Американский идеал, тем не менее, основан на вере, что большинство людей поддержит ту сторону конфликта, поведение и позиция которой более морально оправданны. Это основа западного понимания законности, играющая важную роль в американской контрповстанческой доктрине. По иронии, повстанцы, использующие маоистскую стратегию, оправдывают свои действия, исходя из того же допущения.

Однако многие из противников США и их союзников имеют менталитет мафии и считают, что отрицательные побуждения и страх являются более сильным стимулом. Тогда возникает вопрос, не ведет ли подобная этическая и моральная асимметрия к поражению? Должны ли американские войска тоже полагаться на страх, чтобы достигнуть желаемых эффектов? Не слишком ли быстро США оставили бронированный кулак в пользу бархатной перчатки? Должны ли США придерживаться принципов этики и морали, если это становится серьезным препятствием для стратегического успеха? До сих пор тенденция состояла в том, чтобы отрицать данную проблему и напряженность, априори утверждая, что хорошее, этическое поведение приводит к стратегическому успеху. Докладчик считает, что пришло время открыть данную дискуссию.

Д-р Бейкер также отметил следующий момент. В процессе адаптации вооруженных сил Запада к новой правовой среде они зачастую пытаются переформировать (*re-labeling*) ситуацию, с целью сделать ее более похожей на традиционную военную среду, вводя для этого такие понятия, как «человеческий ландшафт» (*human terrain*) и «использование культуры в качестве оружия» (*weaponizing culture*). В получающейся таким образом традиционной операционной среде нормы права интерпретируются и осмысляются как барьеры,

ограничивающие поведение войск. Другими словами, стратеги, командующие и планировщики операций должны рассматривать не только физический ландшафт, противника и прочие традиционные элементы процесса планирования операций, но также и правовые, моральные и этические ограничения, запрещающие некоторые действия, которые могли бы быть эффективными с военной точки зрения. Фактически, речь идет о попытке применить к среде безопасности логику внутреннего законодательства, которое в рамках конституционного права запрещает или разрешает определенные действия. Такой подход обладает как отрицательными, так и положительными измерениями.

Современная среда безопасности требует «радикальной ревизии» нормативного измерения войны. Понятия барьеров на поле боя должны быть заменены этическим и моральным ядром, которое должно стать движущей силой стратегии. Война должна быть «этикоцентричной» (*ethic centric*), и традиция справедливой войны в этом смысле является неадекватной. Принципы различия и пропорциональности (*discrimination and proportionality*), например, мало что говорят военным о том, каковы должны быть операционные цели. Должны ли они сосредоточиться на убийстве повстанцев или защите населения? Является ли защита населения моральным императивом или все же средством для политически определяемых целей? Используя аналогию с внутренним правом, традиционное мышление скорее только спрашивает, является ли действие справедливым, нежели задает вопрос о предпочтительности. Это подходило для системы, в центре которой находится национальное государство, однако в новых условиях система нуждается в переоценке и ревизии.

Шестая секция. Применение изменяющегося понимания войны

Военный академизм и теоретическое мышление являются огромной ценностью, когда они транслируются в концепции, применяемые в рамках военной организации и государства в целом. Заключительная секция конференции посвящалась применению изменяющегося понимания войны 21 века к политике, стратегии, доктринам и строительству вооруженных сил. На секции выступили Джон Троксел (*John Troxell*), Томас Мэнкен (*Thomas Mahnken*), Натан Фрейер (*Nathan Freier*) и Стивен Мец (*Steven Metz*).

Д-р Троксел отметил, что определение войны не является академическим или теоретическим упражнением. Это важный этап формирования последовательной, когерентной национальной стратегии, позволяющей американскому народу и его избранным представителям быть уверенными, что национальные ресурсы страны используются эффективно. Это особенно важно сейчас, когда экономические проблемы вынуждают США сокращать расходы, в том числе и на оборону. Сегодня налицо разрыв между актуальной мощностью и реализуемой

США стратегией. Как следствие, возникает вопрос, где и каким образом применять имеющиеся ресурсы мощи, чтобы добиться наибольших результатов? Нация, обладающая избытком стратегических ресурсов, может позволить себе быть неэффективной в стратегии, но испытывая недостаток, ты нуждаешься в когерентной стратегии и эффективном использовании стратегических ресурсов. Профессор Троксел также отметил важность выстраивания эффективной стратегии в рамках общественного консенсуса и ясного нарратива. Это справедливо для большинства наций и тем более для США, где в формировании национальной стратегии и политики национальной безопасности участвуют, в том числе, законодательная ветвь власти, а также общественное мнение. Роль последних в политике США больше, чем в любой другой великой державе – современной или прошлого. Стратегии, которые общественность не понимает или не поддерживает, даже если они могли бы быть эффективными, обречены на провал.

Д-р Мэнкен подчеркнул, как важно понимать и различить, что изменяется, а что остается неизменным в войнах 21 века. Война остается актом насилия, который призван принудить противника выполнить нашу волю. Мотивы войны, сформулированные уже греческим историком Фукидидом 2500 лет назад, – «страх, гордость и выгода» [5] – остаются неизменными. И вероятность большой межгосударственной войны, если даже и уменьшилась, по-прежнему сохраняется. Однако если природа войны осталась неизменной, то ее характер и формы явно изменились, что делает важным точность и различие. Например, использование беспилотных систем становится обычной военной практикой. Войну могут вести и негосударственные акторы, а ее результаты стали менее предсказуемыми. Война имеет место в новых доменах, таких как космос и киберпространство, и потенциальные противники США предпочитают выбирать другие формы войн, нежели конвенциональный конфликт большого масштаба, делая ядерную и иррегулярную войну стратегически более значимой. Также происходят изменения в традиционных доменах войны, например, в ее социальном контексте. В развитых странах, по всей видимости, происходит демилитаризация сознания (*debellicization*), когда общественность выступает против применения силы. Политические лидеры, признавая и распознавая данные тенденции, изменяют акцент с военных на миротворческие и аналогичные миссии. Повышенная чувствительность к жертвам может быть связана с демографической ситуацией. Общество, в котором семья с одним или двумя детьми является нормой, становится более нетерпимым к потерям на войне.

Целесообразность и эффективность ядерного оружия, уменьшаясь в развитой части мира, увеличивается в других регионах, что связано с появлением новых ядерных государств. Как следствие, табу на применении ядерного оружия подвергается эрозии и может быть разрушено. Наконец баланс между госу-

дарственными и негосударственными акторами в войне может сместиться в пользу последних, однако данная тенденция, возможно, изменится. Негосударственные акторы не в последнюю очередь оказались в состоянии функционировать, поскольку существующие государства позволяли им это. Государства могут изменить свое отношение к данному процессу.

Генерал-лейтенант в отставке Натан Фрейер в своем докладе рассматривал, каким образом изменения в войне отражаются на американской военной стратегии. Преобладающее представление Министерства обороны о войне и военных действиях сегодня стало препятствием для реальных изменений. МО США предпочитает видеть войну как столкновение вооруженных сил государств, продолжая американскую традицию, согласно которой война – бинарная, организованная, дискретная (с четко определяемым началом и концом) реальность, преимущественно военная по происхождению и характеру. Однако в современной среде безопасности война мало отличается от других форм вооруженного насилия. Фрейер считает, что данное видение асинхронизировано с реальностью. Соединенные Штаты должны принять решение, является ли Министерство обороны преемником Военного ведомства¹, продолжая сосредотачиваться, прежде всего и даже исключительно, на межгосударственной войне, или оно должно стать существенно другим и более широким.

Согласно Фрейеру, новый «статус-кво по обороне» включает, в том числе, «угрозы целям и намерениям» (*threats of purposes*) – преднамеренные враждебные действия противников, и «контекстуальные угрозы» (*threats of context*) – опасные ситуации или структуры. Различие между стратегией, операциями и тактикой все еще имеет значение, но оно становится другим. Сегодня война включает как «стратегического капрала», действия которого на тактическом уровне имеют прямые стратегические последствия, так и «тактического генерала», который в состоянии управлять подразделениями (или, по крайней мере, пытается делать это) на тактическом уровне, используя новые технологические возможности.

Фрейер считает, что вызовы обороне гораздо шире, чем просто угрозы войны. Министерство обороны должно перестать сопротивляться и согласиться с этой идеей. В дополнение к прежним миссиям (контртерроризм и безопасность отечества) вооруженные силы должны также подготовиться к двум другим большим вызовам – иррегулярный конфликт и асимметричная война, сохраняя способность проводить конвенциональные операции большого масштаба. Последняя угроза, тем не менее, является более привычной и управляемой,

¹ Военное ведомство (*War Department*) США, существовавшее с 1789 по 1947гг. возглавлял военный секретарь (*Secretary of War*). По Закону о национальной безопасности (*National Security Acts 1947, 1949*), в 1947г. оно было преобразовано в Национальное военное ведомство (*National Military Establishment*), а в 1949г. – в Министерство обороны (*Department of Defense*).

в отличие от не имеющих атрибутов или не использующих открытое насилие новых угроз, появляющихся из субуровней государств, транснациональных сетей или вовсе без явного противника (например, экологическая катастрофа или стихийные бедствия).

В самом широком смысле целью сегодня является не способность вести одновременно две большие региональные войны (стратегия, характерная для американских ВС с конца Холодной войны до 11 сентября), но умение проводить широкий диапазон несходных, различающихся операций. МО США должно стать «Ведомством по реагированию или защите против множества угроз» (*Department of Doing or Defending Against Many Things*), которое вступает в дело, когда ситуация включает насилие или возможности других элементов национальной мощи, агентств и ведомств оказываются недостаточными. Фрейер предлагает ввести пять «новых непреложных истин обороны» (*new immutable defense truths*):

1. вооруженные силы останутся первым национальным респондером на кризисы и непредвиденные обстоятельства;
2. ответственность и способность реагировать любой ценой и рискуя всем (*all hazard*) будет оставаться постоянным и безотлагательным требованием к вооруженным силам;
3. войска противника не всегда будут центральным игроком в такого рода непредвиденных обстоятельствах, требующих реагирования любой ценой;
4. несмотря на фокусирование вооруженных сил на контрповстанческой активности, это всего лишь один из типов нетрадиционных вызовов;
5. вооруженные силы должны учиться быть более эффективными, как опережая, так и следуя за такого рода непредвиденными обстоятельствами.

Д-р Мец предложил три всеобъемлющих вопроса, обладающих большим стратегическим значением, которые были подняты на конференции, но остались без ответа.

Первый вопрос. Нуждаются ли США в пересмотре и обновлении Конституции, чтобы справиться с изменяющейся природой войны и современной средой безопасности? Конституция США создавалась, когда война была эпизодический и однозначной (было ясно, когда она началась и закончилась, кто противник). Главные риски связывались с политическими лидерами, которые, будучи не ограничены законодательными органами или законами, могли погрузить США в дурную войну. Поэтому Конституция США сделала Главнокомандующим Президента, однако дала Конгрессу право и ответственность объявлять войну. Такое распределение полномочий должно было способствовать тому, что США участвуют только в объявленных войнах. Было ли то такое понимание

реалистическим во времена принятия Конституция – не столь важно, хотя надо сказать, что тогда США вели множество необъявленных приграничных войн. Сегодня данный подход вступает в противоречие со средой безопасности, где почти все войны являются необъявленными и неоднозначными. Возможно, пришло время пересмотреть право, регламентирующее войну, в том числе ставшее формальным и часто игнорируемое разделение власти по вопросам войны. Ряд других пунктов Конституции также нуждаются в серьезной экспертизе и дебатах. Например, право на неприкосновенность личной жизни, которое, будучи основой Конституции, сегодня может препятствовать эффективной обороне. Среда безопасности 21 века включает противников, которые скрываются на территории США, среди американского населения, и необходимо это учитывать. Никто не призывает отменить данные права, но дебаты по их точному определению в эпоху терроризма запаздывают.

Второй вопрос. Нуждается ли доминантная западная концептуализация войны просто в регулировании и обновлении или должна быть полностью пересмотрена? Возможна ли ситуация, когда старое видение сохраняется не потому, что оно адекватно глобальной среде безопасности, но в силу интересов военной сферы и военного истеблишмента?

Третий вопрос. Действительно ли мир находится на пороге очередного исторического сдвига в природе войны «среди народа»? Военная история говорит о трех различных ролях народа. В один из исторических периодов народ был обособлен от войны, которая была спортом элиты. Война как бы «обтекала» народ. После геноцидального ужаса религиозных войн большая часть европейских войн протекала именно в этом русле, по крайней мере до Второй мировой войны. В другой исторический период народ становился активным участником, обеспечивая ресурсную базу войны. От народа требовались усилия и жертвы, но он не был вовлечен непосредственно в боевые действия. «Священная война», о которой говорил Майкл Влахос, является примером таких войн. Для большинства американцев гражданская и мировые войны проходили в рамках данных паттернов. Третья модель – война «среди народа», когда народ становится актором и ресурсом, которым управляют военные. Это царство «человеческого ландшафта», когда народ, даже будучи невооруженным, непосредственно вовлекается в войну. Одна и та же война, при некоторых обстоятельствах, могла опираться и использовать все три модели. Во Второй мировой войне американцы, канадцы и большинство британцев были активными участниками, но война не была «среди» них. Для народов Китая, Восточной Европы, Юго-Восточной Азии и России она, тем не менее фактически была войной «среди народа». В целом, для развитых стран активное участие являлось нормой 20 века, но в 21 веке происходит сдвиг и возвращение к пассивной роли (как отмечал д-р Вла-

хос). Тем не менее в современном взаимосвязанном и информационно насыщенном мире полный возврат к изоляции и обособлению народа от войны невозможен. Проведенное выше различие имеет важные последствия. Ясно, что война «среди народа», как отметил Руперт Смит, включает различные операционные методы и концепции. И в этом смысле различие между пассивным и активным участием является важным. Пассивная модель облегчает для политических лидеров начало войны, так как немедленные затраты и требования к народу не так велики. Но это может сделать более сложным проведение войны, так как с течением времени народ начинает понимать действительную цену войны и мобилизуется против нее. В конечном счете, стратегическое сообщество оформляет не только природу войны, но и ее политическое применение.

Выводы

Вопросы, поднимаемые в докладах конференции, требуют серьезного анализа со стороны армянских государственных структур, аналитических центров и экспертов, работающих в сфере НБ, теории войны. Однако уже сегодня можно сказать, что одной из серьезных проблем армянской государственности, политических и военных лидеров в вопросах войны является однозначная ориентация на либеральную идеологию. Армянская государственность предпочитает видеть в войне девиантное поведение и злую волю государственных деятелей или государств. Война рассматривается как ошибка правительств, международных институтов, неспособных эффективно решать межгосударственные проблемы. В рамках данного дискурса мир воспринимается как норма, а война – как болезненное состояние, вызванное в принципе устранимыми недостатками систем, призванных обеспечивать мир. При этом игнорируется консервативный (реалистический) подход, согласно которому причины войны кроются в неотъемлемой порочности человеческой природы. Как следствие, войны могут стать менее разрушительными и более редкими, но говорить о полном их искоренении не приходится.

Армянское видение проблем войны должно развиваться в поле напряжения двух полюсов. Адекватное применение либеральных идей позволяет уменьшить вероятность войны, апеллируя в необходимости развития общества и общественных институтов, как своих, так и международных, развивая показавшие свою эффективность принципы общественного устройства. Подобные усилия должны уменьшать вероятность полномасштабной войны. Видение войны сквозь призму консервативного подхода не позволяет забыть, что любые общественные процессы, институциональные изменения и пр., призванные полностью исключить войну, обречены на неудачу и, возможно, вообще лишены смысла. Конфликты и противоречия между народами и государствами, тем бо-

лее принципиальные и судьбоносные, будут решаться войной. Это предполагает национальную стратегию, которая уделяет основное внимание военной мощи и принимает в качестве аксиомы необходимость применения военной силы для разрешения политических проблем. «Война неизбежна и не может быть преодолена», – такова максима данного подхода.

Более того, мир, Ашхар¹ должен свыкнуться с тем, что в 21 веке граница между войной и миром становится все более и более условной. Ситуация, которая сложилась на границе армяно-азербайджанского противостояния в 21 веке, становится скорее нормой, нежели исключением. В таких условиях апелляции и намерение изменить ситуацию, сделав ее более стабильной через достижение «окончательного мира», должны рассматриваться как «либеральный перегиб», наносящий вред армянским национальным интересам. Помимо описанной выше дилеммы мира и войны, армянская государственность должна принимать во внимание увеличение числа доменов и форм войны. Война в 21 веке проводится не только государственными акторами и не только на традиционном поле сражения. Против армянской государственности могут применяться методы организованного насилия со стороны негосударственных акторов и в непривычных доменах, таких как информационный или когнитивный. Противоборство между геополитическими центрами силы и прочими глобальными акторами за доминирование может принимать различные формы, и армянская государственность должна быть готова к непривычным угрозам. События вокруг проекта *WikiLeaks* наглядно демонстрируют, как даже дипломатия сверхдержавы может быть застигнута врасплох непривычной атакой.

Таким образом, в отличие от геополитических и региональных центров силы, армянская государственность не может себе позволить однозначный выбор того или иного взгляда или полюса и должна выстраивать баланс, конкретное наполнение которого определяется как внутренним контекстом и потенциалом армянской государственности и Ашхара, так и международной обстановкой, тенденциями и процессами, разворачивающимися в регионе и мире в целом. Армянская государственность должна научиться быть стремительной и быстро адаптироваться, преследуя национальные цели, мгновенно реагируя на намечающиеся тренды и сменяя соответствующим образом риторику, тактику и, возможно, стратегию.

Январь, 2011г.

¹ Термин «Ашхар» призван отразить армянские реалии XXI века. Если термин «Армянство», апеллируя к армянской идентичности, связывается с функциональностью, «армянскостью», то «Ашхар» преследует цель дать название актору, который является носителем данной духовной, культурной, политической и социальной реальности. Будучи транскрипцией армянского слова, Ашхар призван стать «выразителем» и «преемником» в XXI веке тех смыслов и реальности, для описания которой Мовсес Хоренаци использовал термин «Армянский мир» [хайоц ашхар] (Հայոց Աշխարհ).

Источники и литература

1. *Grotius H., Barbeyrac J.*, The Rights of War and Peace, in Three Books: Wherein Are Explained, the Law of Nature and Nations, and the Principal Points Relating to Government. The Lawbook Exchange, Ltd., 2004.
2. *Hanson V.D.*, Carnage and Culture: Landmark Battles in the Rise of Western Power. New York: Doubleday, 2001.
3. *Hoffman F.G.*, Hybrid Warfare and Challenges. Joint Force Quarterly (JFQ), Issue 52, Forth Quarter 2009, pp. 34-39.
4. *Smith R.*, *The Utility of Force: The Art of War in the Modern World*. New York: Alfred Knopf, 2007.
5. *Strassler R.B.* (ed.), The Landmark Thucydides: A Comprehensive Guide to "The Peloponnesian War". Trans. Richard Crawley, New York: Free Press, 1996.
6. *Vlahos M.*, *Fighting Identity: Sacred War and World Change (The Changing Face of War)*. Westport, CT: Praeger Security International, 2009.
7. *Weigley R.F.*, The American Way of War: A History of U.S. Military Strategy and Policy. Bloomington, IN: Indiana University Press, 1973.
8. *Арзуманян Р.*, Военные аспекты стратегии. НОФ «Нораванк», журн. «21 ВЕК», №1 (5), 2007, сс. 24-57. http://www.noravank.am/file/article/91_ru.pdf.
9. *Арзуманян Р.*, Континуум войны и западная военная культура. НОФ «Нораванк», журн. «21 ВЕК», №2(4), 2006, сс. 35-77. http://www.noravank.am/file/article/19_ru.pdf.
10. *Арзуманян Р.*, Нелинейная природа войны. НОФ «Нораванк», журн. «21 ВЕК», №1, 2005, сс. 109-149. http://www.noravank.am/file/article/193_ru.pdf.

THE THEORY OF WAR IN THE 21ST CENTURY

Hrachya Arzumanyan, Armen Baghdasaryan

Resume

One of the most serious problems of the Armenian statehood in the issues of war is an unambiguous orientation on a liberal ideology. Meanwhile, Armenian vision of the problems of war must develop in the stress field of two poles – liberal and conservative. Adequate implementation of liberal ideas allows reducing the possibility of war, appealing to the necessity to develop society and social institutions through the development of the maxims of the social order which proved their efficiency. And vision of the war through the light of conservatism does not allow forgetting that any social processes, institutional changes and etc, which are to exclude fully the possibility of war, are doomed and, maybe, make no sense at all. This implies existence of the national strategy, which pays main attention to the military power and takes the necessity of military power usage for the solution of the political problems as an axiom.

Armenian statehood must learn to be swift and adapt quickly pursuing national aims, responding instantly to the outlined trends and changing its rhetoric, tactics and maybe even strategy in an appropriate manner.

Приложение**Краткая справка по докладчикам**

Мартин Кревельд (*Martin Levi van Creveld*) – израильский военный историк и теоретик войны с мировым именем. Автор 17 книг по военной истории и стратегии, в том числе: *The Culture of War*, New York: Presidio Press, 2008; *The Changing Face of War: lessons of combat, from the Marne to Iraq*, New York: Presidio Press, 2006; *The Art of War: War and Military Thought*, London: Cassell, 2000, (New York: Collins/Smithsonian, 2005); *Technology and War: From 2000 B.C. to the Present*, New York: Free Press, 1989, (free paperback, 2001); *The Rise and Decline of the State*, Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1999; *The Sword and the Olive: A Critical History of the Israeli Defense Force*, New York: Public Affairs, 1998; *The Transformation of War*, New York: Free Press, 1991; *Command in War*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.

Джон Линн (*John A. Lynn*) – профессор, американский военный историк, президент Комиссии США по военной истории и вице-президент Общества военной истории. В сферу научных интересов Джона Линна входит история войны и военных институтов. Автор множества книг, последние из которых: *Battle: A History of Combat and Culture from Ancient Greece to Modern America*. Boulder, CO: Westview Press, 2003 (revised edition 2004); *The Wars of Louis XIV, 1667-1714*. Longman Publishing Group, 1999; *Giant of the Grand Siècle: The French Army, 1610-1715*. Cambridge University Press, 1997; *The Bayonets of the Republic: Motivation and Tactics in the Army of Revolutionary France, 1791-94*. Boulder, CO: Westview Press, 1996.

Брайен МакАлистер (*Brian McAllister Linn*) – профессор, президент Общества военной истории и экспертом по военной истории США. Его наиболее известные книги: *The Philippine War, 1899-1902* (University Press of Kansas, 2000); *Guardians of Empire: The U.S. Army and the Pacific, 1902-1940* (University of North Carolina Press, 1997).

Фрэнк Хоффман (*Frank G. Hoffman*) – старший консультант Министерства ВМФ США, директор группы стратегических исследований командования морской пехоты США по разработке боевого применения (*Strategic Studies Group, Marine Corps Combat Development Command*). Известен как один из авторов концепции «гибридной войны». Основные публикации: “Hybrid Warfare and Challenges,” *Joint Force Quarterly (JFQ)*, Issue 52, Forth Quarter 2009, pp. 34-39; “Hybrid Threats: Reconceptualizing the Evolving Character of Modern Conflict,” *Strategic Forum*, No. 240, Institute for National Strategic Studies (INSS), National Defence University (NDU), Washington, DC, April 2009, pp. 1-8; *Decisive Force: The New American Way of War*. Westport, CT: Praeger. 1996.

Антулио Эчеваррия (*Antulio J. Echevarria II*) – доктор Эчеваррия стал начальником по науке Армейского военного колледжа после 23-летней военной карьеры. Он закончил Военную академию США, Колледж Генерального штаба и командования СВ США и Армейский военный колледж. Получил степень доктора наук по истории от Принстонского университета. Автор множества публикаций и монографий по военной истории и теории стратегического мышления, в том числе: *Preparing for One War and Getting Another?* Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War Col-

lege, September 23, 2010; *ars of Ideas and the War of Ideas*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, June 12, 2008; *Clausewitz and Contemporary War*. Oxford University Press, 2007; *Imagining Future War*. Praeger Securities International, 2007; *After Clausewitz: German Military Thinkers before the Great War*. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2000.

Майкл Вламос (*Michael Vlahos*) – профессор стратегии военно-морского колледжа США. Закончив Йельский университет и Флетчеровскую школу права и дипломатии, он начал карьеру в ВМФ и ЦРУ, которую затем продолжил в школе перспективных международных исследований университета Джонса Хопкинса (*Johns Hopkins School of Advanced International Studies (SAIS)*) и Государственном департаменте США. Историк-антрополог войны, фокусирующийся на взаимоотношениях между цивилизациями. Автор множества статей и книг, в том числе: *Fighting Identity: Sacred War and World Change (The Changing Face of War)*. Westport, CT: Praeger Security International, 2009; *Culture's Mask: War and Change After Iraq*. Baltimore: Johns Hopkins University Applied Physics Laboratory, September 2004; *Terror's Mask: Insurgency Within Islam*. Laurel, MD: Johns Hopkins University. Joint Warfare Analysis Department, 2002.

Питер Лехи (*Peter F. Leahy*) – генерал-лейтенант в отставке, в своей карьере дошел до высшего военного поста Австралии – Главнокомандующий вооруженных сил (*Chief of the Army*, аналог министра обороны), который занимал с 2002 по 2008гг. В 2008г. стал профессором университета в Канберре и директором-основателем Института национальной безопасности. Является членом консультативного совета по обороне Южной Австралии.

Питер Домбровский (*Peter Dombrowski*) – профессор военно-морского колледжа США, где занимает пост заведующего кафедрой стратегических исследований (*Strategic Research Department*). Получил степень доктора политических наук от университета Мэриленд. Является автором множества статей, монографий, редактором сборников и книг, среди которых: *Balance Sheet: The Iraq War and U.S. National Security*. (ed. with John Duffield) Stanford, CA: Stanford University Press, 2009; *Buying Military Transformation: Technological Innovation and the Defense Industry*. (co-authored with Eugene Gholz), New York: Columbia University Press, 2006; *Guns and Butter: the Political Economy of the New International Security Environment*. (edited), Boulder: Lynne Rienner, 2005; *Naval Power in the Twenty-first Century: a Naval War College Review Reader*. (edited), Naval War College Press, 2005; *Military Transformation and the Defense Industry After Next: The Defense Industrial Implications of Network-Centric Warfare* (with Andrew Ross and Eugene Gholz), Naval War College Press 2002.

Джеймс Сарафано (*James Jay Carafano*) – старший научный сотрудник Фонда «Наследие» (*Heritage Foundation*) в Вашингтоне. В сферу интересов входят проблемы национальной безопасности и международных отношений. За время 25-летней военной карьеры занимал, числе прочего, пост главного спичрайтера начальника штаба сухопутных войск и исполнительного директора ежеквартальника объединенных сил «*Joint Force Quarterly*». Автор множества статей и книг, в числе которых: *Private Sector, Public Wars: Contractors in Combat – Afghanistan, Iraq, and Future Conflicts*. Santa Barbara: Prae-

ger Security International, 2008; *Mismanaging Mayhem: How Washington Responds to Crisis* (edited with Richard Weitz), Westport, CT: Praeger, 2008; *GI Ingenuity: Improvisation, Technology and Winning World War II*. Westport, CT: Greenwood Press and Praeger Publishers, 2006; *Winning the Long War: Lessons from the Cold War for Defeating Terrorism and Preserving Freedom* (co-author with Paul Rosenzweig), Washington DC: Heritage Foundation, (2005) (в этой работе авторы впервые использовали термин «длинная война», аргументируя, что успешная стратегия требует баланса между достаточными военными мерами и мерами в области безопасности, сопровождающимися экономическим ростом, защитой гражданских свобод и доминированием в «войне идей» против террористических идеологий); *Homeland Security 3.0*. The Heritage Foundation and the Center for International and Strategic Studies (co-author with David Heyman), 2005.

Джерми Блейк (*Jeremy Black*) – профессор истории университета Эксетер, старший научный сотрудник научно-исследовательского института внешней политики (*Foreign Policy Research Institute*). Окончил Кембридж и затем работал в Оксфорде. Является членом Королевского исторического общества. Член редсовета ряда журналов, в том числе журнала военной истории – «*Journal of Military History*». Автор свыше 90 книг, посвященных в основном британской политике 18 века и международным отношениям, в том числе: *The War of 1812 in the Age of Napoleon*. London, New York: Continuum International Publishing Group, 2010; *London: a history*. Carnegie Publishing Ltd, 2009; *Eighteenth Century Britain, 1688-1783*. New York: Palgrave Macmillan, 2008; *George III – America's Last King*. New Haven and London: Yale University Press, 2008; *War and World 1450-2000: Military Power and the Fate of Continents, 1450-2000*. New Haven, CT: Yale University Press, 1998; *Maps and History. Constructing Images of the Past*. New Haven, CT: Yale University Press, 1997; *European Warfare, 1660-1815*. New Haven, CT: Yale University Press, 1994.

Эндрю Басевич (*Andrew Bacevich*) – профессор международных отношений и истории Бостонского университета. Получил степень доктора наук по истории американской дипломатии от Принстонского университета. Закончил Военную академию США. Специализируется на истории американской дипломатии и военной истории, внешней политике США, исследованиях по безопасности. Автор множества статей и книг, среди которых: *Washington Rules: America's Path to Permanent War*. USA: Macmillan Audio, 2010; *The Limits of Power: The End of American Exceptionalism*. USA: Macmillan Audio, 2008; *The Long War: A New History of U.S. National Security Policy Since World War II*. (edited) New York: Columbia University Press, 2007; *The New American Militarism: How Americans Are Seduced by War*. New York: Oxford University Press, 2005; *American Empire: The Realities and Consequences of US Diplomacy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.

Уильям Нэш Старший (*William Nash Major*) – генерал-майор в отставке, старший научный сотрудник по военным вопросам и директор военных программ Совета по международным отношениям (*Council on Foreign Relations (CFR)*), а также лектор Джорджтаунского университета и приглашенный лектором Принстонского университета. Уильям Нэш провел на военной службе 34 года. Участвовал во Вьетнамской войне и операции «Буря в пустыне». Имеет большой опыт миротворческих операций, в том числе в качестве

военачальника в Боснии-Герцеговине (1995-1996) и гражданского администратора ООН в Косово (2000). С апреля 2001г. по июнь 2007г. был директором Центра превентивных действий (*Center for Preventive Action (CPA)*) Совета по международным отношениям.

Роберт Кэссиди (*Robert M. Cassidy*) – полковник, старший сотрудник Центра передовых оборонных исследований (*Center for Advanced Defense Studies*), член консультативного совета НИИ оборонных исследований вооруженных сил (*Royal United Services Institute*). В настоящее время является специальным помощником Объединенного командования ВВС (*ISAF Joint Command*) в Кабуле. Степень доктора наук по международным отношениям получил от Флетчеровской школы права и дипломатии университета Тафтса. Специализируется по стратегии и иррегулярной войне. В 2009г. он закончил компаративное исследование повстанческой активности в Пакистане и Афганистане в Военно-морском колледже США. Автор множества статей по контрповстанческим операциям и иррегулярной войне, а также монографии Института стратегических исследований в двух книгах: *Counterinsurgency and the Global War on Terror: Military Culture and Irregular War*. Westport, CT: Praeger, 2006; *Peacekeeping in the Abyss. British and American Peacekeeping Doctrine and Practice After the Cold War*. Westport, CT: Praeger, 2004.

Пол Кэн (*Paul R. Kan*) – профессор, занимается исследованиями в области национальной безопасности, руководит военными исследованиями Центра Генри Стимсона.

Томас Хэммс (*Thomas X. Hammes*) – полковник в отставке, провел на военной службе 30 лет в составе морской пехоты США. Является специалистом по контрповстанческим операциям, участвовал в операциях по стабилизации военно-политической обстановки в Сомали и Ираке. Хэммс закончил Военно-морскую академию США и получил степень доктора наук по современной истории от Оксфордского университета. Совместно с Уильямом Линдом ввел в оборот термин «война четвертого поколения» (*fourth generation warfare*). Автор множества статей и книги *The Sling and the Stone. On War in the Twenty-First Century*. St. Paul, MN: Zenith Press, 2004. В книге открыто критикуется политика Пентагона и Объединённого комитета начальников штабов.

Майкл Клер (*Michael Klare*) – профессор, занимается исследовательской работой по вопросам мира и безопасности в Пяти Колледжах (*Five Colleges*), член консультативного совета директоров Комитета по защите прав человека (*Human Rights Watch*) и Ассоциации по контролю над вооружениями (*Arms Control Association*). Автор множества и книг, среди которых: *Rising Powers, Shrinking Planet: The New Geopolitics of Energy*. New York: Henry Holt & Co, 2008; *Blood and Oil: The Dangers and Consequences of America's Growing Dependency on Imported Petroleum*. (with Peter Kornbluh), New York: Metropolitan Books, 2004, (paperback, Owl Books, 2005); *Resource Wars: The New Landscape of Global Conflict*. New York: Owl Books, reprint edition 2002; *Light Weapons and Civil Conflict*. (co-editor and contributor), Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1999; *World Security: Challenges for a New Century*. (3rd ed., co-editor and contributor) New York: St. Martin's Press, 1998.

Альберт Пиерс (*Albert Pierce*) – степень доктора политических наук получил от Тафтского университета. Долгое время работает с Университетом национальной обороны (*National Defense University (NDU)*), был первым директором Института этики и лидерства

национальной безопасности (*Institute for National Security Ethics and Leadership (INSEL)*), а также первым профессором этики и национальной безопасности данного университета. Автор множества статей и книг, среди которых: *The Armed Forces Officer*. (co-author with several others) Washington, DC: The National Defense University Press and Potomac Books, Inc., 2007; *Ethics and the Future of Conflict. Lessons from the 1990s*. (co-edited with Anthony F. Lang, Jr. and Joel H. Rosenthal), Saddle River, NJ: Prentice Hall Press, 2004; *Strategy, Ethics, and the "War on Terrorism"*. Berkeley: Berkeley Public Policy Press, 2003.

Мартин Кук (*Martin L. Cook*) – профессор философии и профессиональной военной этики Центра этического лидерства им. вице-адмирала Джеймса Стокдейла (*Vice Admiral James B. Stockdale Center for Ethical Leadership*). Заместитель декана факультета Академии ВВС США. Преподает в Военно-морском колледже, Колледже операционного и стратегического лидерства (*College of Operational and Strategic Leadership*). Степень доктора наук получил от Чикагского университета. Член редсовета журнала «Параметерс» (*Parameters*) Армейского колледжа. Автор книг: *The Moral Warrior: Ethics and Service in the U.S. Military*. Albany, NY: SUNY Press, 2004; *The Open Circle: Confessional Method in Theology*. Minneapolis: Augsburg-Fortress Press, 1991; *Saving the Earth: A History of a Middle-Class Millenarian Movement*. (with Steven Gelber). Berkeley: University of California Press, 1990.

Ричард Преджент (*Richard Pregent*) – начальник отделения международного и действующего права Управления начальника военно-юридической службы Армии США (*International and Operational Law Division Office of the Judge Advocate General, US Army*). Степень доктора юриспруденции получил в 1979г. от Школы права Олбани университета Юнион (*Albany Law School at Union University*). По роду службы принимал участие в операциях в Косово, Ираке. Награжден медалями.

Дин-Питер Бейкер (*Deane-Peter Baker*) – профессор этики в университете Кваза-Зулу-Наталь (*University of KwaZulu-Natal*) в Южной Африке, директор Группы стратегических исследований данного университета. Степень доктора по философии получил от университета Маккуайр (*Macquarie University*), Сидней, Австралия. В сферу академических интересов входит философия, этика (в особенности военная) и безопасность. Автор множества статей в журналах и сборниках работ.

Томас Менкен (*Thomas Mahnken*) – профессор стратегии и декан факультета экономической географии и национальной безопасности Военно-морского колледжа им. капитана Джером Леви США (*Captain Jerome E. Levy Chair of Economic Geography and National Security at the Naval War College*). Получил степень доктора наук по международным отношениям от Школы перспективных международных исследований университета Джонса Хопкинса. С 2006 по 2009гг. был заместителем помощника министра обороны по планированию военной политики (*Deputy Assistant Secretary of Defense for Policy Planning*). Один из основных авторов Национальной оборонной стратегии 2008 (*2008 National Defense Strategy*) и инициаторов «Исследовательской инициативы Минерва» (*Minerva Research Initiative*) министра обороны, в рамках которой университетам были выделены гранты на \$100 млн. для проведения базисных исследований по социальным наукам. Редактор «Журнала стратегических исследований» (*The*

Journal of Strategic Studies), автор множества статей и книг, среди которых: *Technology and the American Way of War Since 1945*. New York: Columbia University Press, 2008; *Uncovering Ways of War: U.S. Intelligence and Foreign Military Innovation, 1918-1941*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002; *U.S. Military Operations In Iraq: Planning, Combat, and Occupation*. (edited with Thomas A. Keaney), New York: Routledge, 2007; *Strategic Studies: A Reader*. (edited with Joseph A. Maiolo), New York: Routledge, 2007; *The Information Revolution in Military Affairs in Asia*. (edited with Emily O. Goldman), New York: Palgrave MacMillan, 2004; *Paradoxes of Strategic Intelligence: Essays in Honor of Michael I. Handel* (edited with Richard K. Betts), London: Frank Cass, 2003.

Джон Трокселл (*John F. Troxell*) – профессор стратегических военных логистических операций и планирования (*Strategic Military Logistics Operations and Planning*) Центра стратегического лидерства Армейского колледжа, глава отдела операционных исследований и анализа им. Джорджа Патона (*George S. Patton Chair of Operational Research and Analysis*). За время тридцатилетней военной службы занимал высокие посты в Управлении планирования Армии США и Офисе министра обороны, автор множества статей, монографий и глав в ряде книг и сборников, включая: "Presidential Decision Directive-56: A Glass half Full," in *The Interagency Counterinsurgency Warfare: Stability, Security, Transition, and Reconstruction Roles*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, 2007; "Sizing the Military in the Post-Cold War Era," in *United States Post-Cold War Defence Interests: A Review of the First Decade*; "Military Power and the Use of Force," in *U.S. Army War College Guide to National Security Policy and Strategy*. (edited Karl P. Magyar). New York: Palgrave Macmillan, 2004; *Force Planning in an Era of Uncertainty: Two MRCs as a Force Sizing Framework*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, September 01, 1997.

Стивен Мец (*Steven Metz*) – декан факультета региональной стратегии и планирования, профессор; занимается исследовательской работой по проблемам национальной безопасности в Институте стратегических исследований. Специализируется на повстанческой и контрповстанческой активности, американской оборонной политике, теории стратегии и будущих войн. Он также преподает в Армейском колледже и Колледже Генерального штаба и командования СВ США. Д-р Мец является советником государственных органов, политических организаций и компаний, участвует в слушаниях Конгресса и Сената США. Член Совета по повстанческой активности корпорации *RAND*. Степень доктора политических наук получил от университета Джона Хопкинса. Автор свыше ста статей и монографий, последние из которых: *Decisionmaking in Operation IRAQI FREEDOM: The Strategic Shift of 2007*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, May 06, 2010; *Decisionmaking in Operation IRAQI FREEDOM: Removing Saddam Hussein by Force*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, March 22, 2010; *Rethinking Insurgency*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College; *Learning from Iraq: Counterinsurgency in American Strategy*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, June 05, 2007; *Insurgency and Counterinsurgency in the 21st Century*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, November 01, 2004;

Future War/Future Battlespace. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, March 01, 2003.

Натан Фрейер (*Nathan Freier*) – генерал-лейтенант в отставке, старший научный сотрудник программы международной безопасности в Центре стратегических и международных исследований (*Center for Strategic and International Studies (CSIS)*), с которым он начал сотрудничать после 20-летней военной карьеры. На протяжении военной службы Натан Фрейер принимал активное участие в разработке и планировании различных стратегических инициатив в центральном аппарате Министерства СВ и Офисе министра обороны. Был ответственным за разработку Стратегии национальной обороны 2005г. Дважды перебрасывался в Ирак в качестве стратега – в 2005 и 2007гг. До специализации в качестве стратега сухопутных сил участвовал в качестве офицера полевой артиллерии в операции «Буря в пустыне». В круг интересов и экспертиз входит гранд-стратегия, национальная безопасность, развитие военной стратегии и политики, оценка стратегической сети и рисков (*net and risk assessment*), «неконвенциональные» вызовы безопасности и конфликты. Автор и редактор множества книг, среди которых: *Known Unknowns: Unconventional "Strategic Shocks" in Defense Strategy Development*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, November 04, 2008; *Strategic Competition and Resistance in the 21st Century: Irregular, Catastrophic, Traditional, and The Strategy Deficit. (edited)*, Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, April 03, 2008; *Hybrid Challenges in Context*. Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, May 24, 2007; *In Defense of Rational Risk Assessment. (edited)*, Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, February 07, 2007; “*What If?*” – *A Most Impertinent Question Indeed*. (edited) Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute (SSI), US Army War College, September 06, 2006.